

• ВИКТОР •

ПОЛОНСКИЙ

ОПАСНАЯ ИГРА ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Виктор Полонский
Опасная игра Веры Холодной
Серия «Вера Холодная», книга 3
Серия «Интересный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11830409
Полонский, Виктор. Опасная игра Веры Холодной : [роман].
Издательство «Э»; Яуза; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83470-9

Аннотация

Сбежав от оборотня, решившего заполучить меня в свой гарем, я надеялась, что избавилась разом от всех проблем, но не тут-то было. Брачная охота, объявленная на меня, оказалась только началом целой цепи неприятностей. Потому что маньяк, равнодушный к женщинам белого «волка», уже приметил новую жертву, гадалка, предсказывающая будущее, разложила свой роковой пасьянс, а морские девы, узнавшие о моем существовании, заинтересовались ведьмой с даром сирены.

Но я не собираюсь сдаваться! Ведь у меня есть верные друзья и уникальные магические способности. Пришло время вывести на чистую воду заговорщиков, затаившихся в нашем городе, а заодно и... определиться с кандидатурой жениха, которому я готова отдать свое сердце!

Кинематограф... Как давно Вера о нем мечтала! Может, это судьба, а может, совпадение, но искать немецкого шпиона Вере Холодной придется именно в киноателье. Не сомневаясь ни секунды, она с готовностью соглашается снова помочь российской контрразведке и принимает предложение сняться в киноленте. Но как искать шпиона, если подозреваемый – каждый сотрудник ателье? Все, что известно молодой женщине, это прозвище предателя – Ботаник...

Содержание

1	6
2	21
3	35
4	56
5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Виктор Полонский

Опасная игра

Веры Холодной

«Нужно известное величие души, чтобы понять красоту риска, жертвы, гибели. Только для благородного человека риск есть «благородное дело». Одни это понимают сразу, другие – никогда». Вышеславцев Б.П. «Вечное в русской философии. Трагизм возвышенного»

© Шляхов А., текст, 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

1

«Новогодний «подарок» в виде простуд и ангины рискуют получить зрители синематографа «Ампир» на Остоженке. По непонятным причинам в последние дни в зрительном зале холодно, почти как на улице. Управляющий синематографом г-н Зинчковский не смог сказать по этому поводу ничего вразумительного. «Нынче стоят сильные морозы», – повторял он возмущенным зрителям и категорически отказался возвращать им уплаченные за билеты деньги».

Газета «Московские ведомости», 3 января 1913 года

Воздух колыхнулся, перед глазами мелькнула неясная стремительная тень, железным обручем сдавило горло. Вера не успела вздрогнуть или ойкнуть, так быстро все произошло.

«Умирать станете дважды... – зазвучали в ушах слова гадалки. – Не спрашивайте, как и почему, я сама не знаю, так показали карты...»

Напевному голосу гадалки гармонично аккомпанировал мелодичный звон множества маленьких, невесть откуда взявшихся колокольчиков.

«Сначала одна смерть, а потом, много позже, другая...»

Обруч не только душил, но и тянул назад, поэтому Вера инстинктивно подалась вперед и попыталась оттянуть его

правой рукой, позабыв про то, что в ней была вязальная спица. Спица больно кольнула в щеку.

«Это не сон, – машинально отметила Вера. – Кто-то хочет меня убить...»

На ощупь обруч оказался веревкой – толстой, витой, шершавой. Попытка хоть немного оттянуть ее оказалась безуспешной, потому что веревка глубоко впилась в Верину шею – мизинца не просунуть.

Невозможно вообразить, чтобы человек, которому вот-вот предстоит умереть, да еще и столь мученической смертью – от удавливания, – был бы способен испытывать радость, но Вера и впрямь обрадовалась. Или, если точнее, почувствовала волнение, похожее на то, которое испытывает охотник, увидевший между деревьями медвежий силуэт. Человек, которого она так долго и так безуспешно пыталась найти, был рядом. Ответ на загадку, которую все никак не получалось разгадать, стоял за ее спиной. Изловчиться бы, извернуться, увидеть лицо и позвать на помощь...

«Умирать станете дважды...»

Вера попыталась повернуть голову, но и этого ей не удалось. Душителю было много сильнее ее и имел сноровку. Да и если бы она извернулась, то вряд ли смогла бы разглядеть лицо убийцы, потому что от нехватки воздуха в глазах начали полыхать ослепительные магниевые¹ вспышки.

¹ В то время фотографы использовали в качестве вспышки порошок магния с окисляющими добавками. Смесь насыпалась на металлическую пластинку и

«Жить будете долго, но большого счастья вам не отпущено...»

Вера попыталась вскрикнуть, позвать на помощь, но вместо крика из горла вырвался тихий протяжный хрип. Да и что толку кричать? Даже если бы удалось крикнуть во всю силу, то, скорее всего, за общим шумом никто, кроме Веры и Душителя, не расслышал бы этого крика. А если бы даже и расслышал, то решил бы, что это Джанковская репетирует роль. У Джанковской что ни роль, то сплошные «спасите-помогите» вперемешку с воздушными поцелуями и протяжными вздохами. И Джанковская не выходит сниматься, пока не прогонит роль несколько раз. Вопит она при этом так, что и в Коломне, небось, слышно. Выложится, пока в образ входит, обессилеет и предстанет перед камерой томной незабудкой. «Un style original! Un peu à part!»² – всякий раз восхищается лощеный фронт Заржицкий, глядя на игру Джанковской. Напрасно восхищается. Во-первых, Джанковская к нему совершенно равнодушна, а во-вторых, никакого «style original» нет и в помине. Обычная апатия после истерического припадка, это любая гимназистка знает.

Кричать бесполезно. Бороться тоже бесполезно. Что делать?

Колокольчики в ушах превратились в колокола, бухавшие оглушающим размеренным набатом. Вдохнуть уже совсем

поджигалась.

² Оригинальный стиль! Немного отстраненно! (*франц.*)

не получалось, так стянулась проклятая веревка... Голова закружилась, неведомая сила начала поднимать Веру вверх. Или то Душитель тянул ее кверху? Вера поняла, что сейчас умрет.

«Умирать станете дважды. Не спрашивайте, как и почему, я сама не знаю, так показали карты. Сначала одна смерть, а потом, много позже, другая...»

«Это первая», – попыталась подбодрить себя Вера. Что еще остается человеку, умирающему ужасной насильственной смертью, как не подбадривать себя? Насколько скверно ни обстояло бы дело, надежда всегда теплится, пока теплится жизнь. Вдруг появится спаситель. Вдруг Алтунин с Мусинским, разнообразия ради, решат распить очередной полуштоф в новом месте. Вдруг многострадальному Иову внезапно вздумается учинить обход помещений киноателье? Вдруг «лисички-сестрички» решат заманить сюда Мишеньку, чтобы вдоволь посмеяться над ним? Вдруг Наина, заблудившись, по вечному своему обыкновению, спугнет убийцу? Вдруг Василию Максимовичу захочется поразмышлять в укромном уголке? Вдруг?! Вдруг?! Вдруг?! Недаром же гадалка сказала...

«В будущем году, в самом начале, у вас родится ребенок, девочка...» – донеслось сквозь набат.

Удивительно, непостижимо, невероятно, сколько всего можно передумать за одно-единственное мгновение, отделяющее жизнь от смерти! Сначала Вера подумала о том, что

в одном уже гадалка ошиблась наверняка – ребенок у нее родится – если еще родится! – в середине года, а не в начале. Почему бы ей и не ошибиться относительно двух смертей? Недаром, ох недаром Владимир высмеивает гадалок, предсказателей, сновидцев-ясновидцев и вообще все мистическое. Как-то раз между ними зашел спор о том, есть ли в гаданиях нечто рациональное или все они, от начала и до конца, чистая выдумка. «Но ведь сбывается же! Сбывается!» – горячилась Вера и так и сыпала примерами из жизни. Примеров было много, она даже не успела все перечислить, когда Владимир рассмеялся (не обидно, а по-доброму) и сказал, что гадание есть хоть и шарлатанское, но все же ремесло, а у каждого ремесла есть свои правила и законы. Гадалки внимательно оценивают обратившихся к ним людей, замечая все, даже самые незначительные мелочи. Оценив, делают выводы и гадают по определенной схеме. Восторженной девице нагадают любовь да венец, офицеру – славу и золотые генеральские погоны, чиновнику – действительного статского, пылкой купеческой вдове заморочат голову какой-нибудь «*passion fatale*»³ и так далее... «Вот если какая-то гадалка нагадает гимназистке, что та станет действительным статским советником и это гадание сбудется, то я сто верст пешком пройду для того, чтобы на эту пророчицу взглянуть», – сказал Владимир, покосившись на газету с портретом императорской четы. Вера поняла значение этого взгляда. Давно

³ Роковая страсть (франц.).

уже ходили слухи о том, что императрица тяготеет ко всему мистическому.

Вера даже вспомнила фамилию гадалки – Кошкина, а потом вдруг подумала о том, что напрасно в Испании гаррота⁴ считается «благородным» способом казни. Ничего приятного в удушении нет и быть не может... Впрочем, совсем недавно, в октябре, Владимир участвовал в процессе генеральши Турпасовой-Боржик, содержавшей в собственном доме на Маросейке тайный притон для извращенцев. О притоне стало известно после того, как там был удушен насмерть статский советник из псковского губернского акцизного управления, причем удушение это было не преступного, а амурного свойства, потому что несчастный испытывал от этого процесса болезненное удовольствие. Играли в удушение понарошку. Обычно девицы из салона не довели дело до конца, но вот одна не то увлеклась, не то перестаралась, и в результате вместо удовольствия вышло несчастье. Вера поверить не могла, что подобное возможно (между строк в газетах намекали на многое), но Владимир, защищавший содержательницу притона, сказал, что невозможно выдумать такую мерзость, которая кому-нибудь не показалась бы привлекательной. В подробности процесса, происходившего за закрытыми дверями, Владимир не вдавался.

⁴ Гаррота (от *исп.* *garrrote* – закручивание) – орудие казни путем удушения, изначально представлявшее собой петлю с палкой, закручивая которую палач умерщвлял жертву.

Сказал только, что к Турпасовой-Боржик приезжали за «удовольствиями» даже из Петербурга и Варшавы, настолько хорошо она умела потакать извращенным вкусам. Вера рискнула спросить мужа, не противно ли ему выступать в роли защитника в подобном процессе, на что Владимир, по своему обыкновению, ответил, что он защищает не преступника, а его законные права и что права эти есть даже у таких, как Турпасова или тот чиновник Министерства финансов, который задушил свою супругу (кругом только и душат!), отволоч хладное тело в погреб, порубил его там на куски взятым у дворника топором, разложил по мешкам, чтобы удобнее было вывезти за город и спрятать в каком-нибудь укромном месте.

Глаза заволкло туманом, ослепительные белые вспышки сменились тусклым красным мерцанием, похожим на мерцание углей в печи, в ушах уже ничего не звенело, их словно заложили ватой... Вера явственно ощутила, что умирает, и готова была разрыдаться не столько от жалости к себе, сколько от чувства несправедливости – почему ее нерожденный ребенок обречен на смерть вместе с ней? В чем вина малютки? Почему все так ужасно?

Тонкий, едва уловимый аромат миндального мыла подействовал отрезвляюще. Миндальное мыло – почти родное, им пользуется тетя Лена... Вера почувствовала, что продолжает сжимать в левой, безвольно повисшей руке спицу с начатым вязаньем. Судорога свела пальцы, благодаря чему спица не

упала. Не отдавая себе отчета, поступая скорее инстинктивно, нежели осознанно, Вера повернула кисть таким образом, будто собиралась почесать спину кончиком спицы, и, собрав воедино все оставшиеся силы, сделала резкий тычок.

В тумане, застилавшем глаза, проступило лицо покойной бабушки Екатерины Владимировны.

– Тупой иглой не нашьешься, а тупыми спицами не навяжешься, – строго и наставительно, в обычной своей манере, сказала бабушка. – Тупыми спицами только в носу ковырять...

«Не нашьешься – не навяжешься» бабушка повторяла часто, а вот про то, чтобы в носу спицей ковырять, даже тупой, услышать от нее было невозможно. Бабушка не любила шуток, не понимала их и вообще считала все «пустословье» чепухой. Внимания, по ее мнению, заслуживали только серьезные вещи и дельные разговоры. Суровая была бабушка, царствие ей небесное.

Уши были заложены, поэтому Вера не слышала ни крика Душителя, ни его громких шагов. Подкрадывался он к ней на цыпочках, соблюдая максимальную осторожность, а уйти (бежать не позволяла раненая нога) постарался так быстро, насколько это было возможно. Он заботился не о том, чтобы не производить лишнего шума, а лишь о том, чтобы исчезнуть до того момента, когда Вера обернется. Если обернется – плохо. Придется вернуться, добить ее тем же оружием, которым она ранила его, а потом рассказывать всем ис-

торию про то, как он застал Веру в компании незнакомого мужчины, который со словами «Так не доставайся же ты никому!» заколол ее выхваченной у нее же спицей, после чего набросился на случайного свидетеля своего злодеяния, ранил его в ногу и убежал. Слабая версия, шаткая, непрочная, как карточный домик... Но за неимением лучшего придется обходиться тем, что есть. Ничего, главное – держаться убедительно, это производит впечатление, а для подкрепления версии «убийца-ревнивец» можно будет сделать кое-что в ближайшие же дни. А сейчас надо убраться подальше, пока еще нога слушается и удается зажимать рану. Еще не хватало, чтобы за ним потянулся ручеек крови. Надо срочно принять меры. Обработать рану, перевязать, сделать укол морфия, сменить брюки...

Тяжело идти с раной в ноге, преодолевая сильную боль, да еще и глядеть при этом не вперед, а назад, но Душитель справился с этой непростой задачей. Ушел, ни разу не споткнувшись, тем же путем, что и пришел, будучи уверенным, что Вера его так и не увидела. Она за эти секунды и продышаться-то толком не успела, где ей головой по сторонам вертеть и вглядываться. Это хорошо. Ничья. После стольких выигрышей можно позволить себе одну ничью, черную горошину перца на белоснежной карьерной лестнице. Сам, в сущности, виноват – проявил легкомыслие, пренебрег старой как мир мудростью «not macht erfinderisch»⁵. И вообще, надо было

⁵ Нужда делает изобретательным (нем.).

орудовать не веревками, а руками, скорей бы управился...

Ковыляя по темному коридору, Душитель на мгновение зажмурился от удовольствия, представляя, как славно бы трепетала нежная шейка жертвы в его крепких стальных пальцах, и тут же был наказан – споткнулся на ровном месте и тихонько взвыл от боли. Хорошо, что никто не увидел. Что толку мечтать о несбыточном? Да, руками в этом случае было бы приятнее, но ведь свою руку, в отличие от веревки, в качестве улики в чужой карман не подсунешь. Нам только кажется, что мы управляем обстоятельствами. На самом деле управляют обстоятельства нами, и высшая мудрость заключается в умении извлекать из всего пользу. По замыслу Душителя, полиция должна была найти веревку у подставного болвана. Тогда бы все получилось так ладно, что ладнее некуда. Могло получиться...

С каждым шагом досада увеличивалась. Кроме нее убийца начал испытывать стыд. Надо было во что бы то ни стало довершить начатое, а не убежать. Душить с подкашивающейся ногой невозможно, «грязная работа», но можно было потратить две секунды на то, чтобы свернуть жертве шею. Черт с ней, с уликой-веревкой, было бы дело сделано. Но от острейшей и, что самое главное, внезапной боли в ноге пришел в смятение, запаниковал, инстинкт побудил спасаться бегством. Убежать, спрятаться, спокойно все обдумать и тогда уже действовать – вот главное правило в тех случаях, когда что-то идет не так. Ладно, что уж теперь переживать.

Снявши голову, по волосам не плачут, и раз уж дело пошло вкривь да вкось, то незачем продолжать. Себе дороже. Надо переделывать заново. И переделывать сразу же. Обработать рану, сделать обезболивающую инъекцию и воспользоваться самым надежным средством – ядом. Один укол отравленной иглой – и все. Нужно было сразу ядом, незачем было умничать. Сложные комбинации хороши для шахмат, в жизни чаще срабатывают простые. Сейчас жертва придет в себя и поднимет шум. Сердечный приступ после нападения убийцы не вызовет ни у кого сомнений. Даже с учетом молодого возраста.

Яд Душитель использовал редко. Причин тому было две – осторожность и особенности характера. С одной стороны, сердечный приступ – это удобно. С другой стороны, один и тот же метод это *l'écriture*,⁶ причем указывающий на серьезного человека, потому что обычным убийцам такой яд взять неоткуда. Может потянуться ниточка, а этого допустить нельзя. На досуге Душитель развлекался разгадыванием головоломок и прекрасно понимал, что любая задача кажется неразрешимой лишь до тех пор, пока не ясно, с чего следует начинать. Ниточек должно быть много, чем больше, тем лучше, и все они должны быть короткими. В этом залог спокойствия. Да и от яда нет никакого удовольствия. Другое дело, если орудием убийства являются нож или топор. К тому же ядовитую иглу никому не подбросишь, а топор или

⁶ Почерк (*фр.*).

нож – запросто. Дополнительная польза. Путаются следы и устраняется с дороги кто-то мешающий или просто неприятный.

Нога болела как-то странно. При каждом втором шаге боль ощущалась не так сильно. Над причиной этого интересного явления стоило поразмыслить на досуге. Никем не замеченный, Душитель дошел до каморки, в которой подсобные рабочие хранили свой нехитрый инструмент и всякую нужную им всячину: пустые мешки, обрезки досок, какие-то железки. Здесь можно было привести себя в порядок – перевязать рану, отдышаться, сделать особый обезболивающий массаж, который ненадолго уменьшит боль, причесаться, поправить одежду. На черных брюках кровь была почти незаметна, что весьма порадовало Душителя. Ему предстояло пройти всего-навсего с полсотни шагов до своей «берлоги», в которой можно было как следует обработать рану, сделать инъекцию, переодеться и немного полежать, ожидая, пока обезболивающее подействует. Главное, чтобы рана не воспалилась. Колотые раны в этом смысле самые опасные. Дырка копеечная, а неприятностей можно получить на сто рублей.

Из каморки Душитель вышел обычной своей походкой – бодрой, энергичной, деловитой. Несмотря на массаж – надавливание пальцем на определенные точки – нога продолжала болеть. Для того чтобы подбодрить себя и замаскировать гримасу боли, которая могла произвольно появиться на лице, Душитель тихо напевал на ходу, преувеличенно ар-

тикулируя сочными губами:

Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.
Нет нужды; прав судьбы закон...

Пением в киноателье никого нельзя было удивить. Здесь постоянно пели-напевали. Одним песни помогали войти в образ, другим – разогнать меланхолию, а многих к пению располагала царившая здесь творческая атмосфера. «Киношники» (так в своем кругу называла себя здешняя публика) делились на два лагеря – мечтатели и практики. Мечтатели, как и следовало из названия, мечтали о том, чтобы добавить к изображению звук, надеясь, что это придаст кинематографу большую выразительность, а практики пользовались тем, что имели. Выражением лица, жестом, движением можно выразить куда больше, чем словами. В театрах этих самых слов предостаточно, однако публика с каждым годом все больше и больше симпатизирует кинематографу. Это же неспроста.

Полсотни шагов – пустяк. Ступеньки – тоже пустяк. Чуть больнее, но зато есть перила.

Паду ли я, стрелой пронзенный...

Здесь Душителю поперхнулся и нахмурился – больно уж

жизненно выходило, – но тотчас же посветлел лицом, выдал из себя улыбку и чуть громче прежнего допел до конца:

Иль мимо пролетит она,
Все благо: бдения и сна
Приходит час определенный;
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!

Последнюю строчку повторил трижды. Тьма – она разная, смотря что понимать под этим словом. Есть Вечная Тьма, есть тьма ночная, в несуетливой тиши которой так славно думается (все свои гениальные планы Душитель придумывал и оттачивал по ночам), а есть тьма спасительная, в которой можно укрыться. Благословен и день забот, благословен и тьмы приход...

– Миндальное мыло, миндальное мыло, миндальное мыло... – шептала Вера, чувствуя, как к ней возвращается жизнь.

Она осторожно огладила рукой живот, со всем возможным вниманием прислушиваясь к ощущениям. Слава богу! Кажется, все в порядке.

«А ножки-то у ее сиятельства чистый миндаль!» – вспомнилось вдруг из какого-то недавно читанного романа. Миндальное мыло – хороша примета! Что теперь, ходить по ателье и всем мужчинам по очереди руки целовать? Так и в психиатрическую клинику угодить недолго. К тому же, едва уви-

дев столь странное действо, убийца обо всем догадается, избавится от миндального мыла и начнет пользоваться другим, хотя бы земляничным или простым яичным, без запаха.

Хороша улика! Вроде есть, а как ее использовать, непонятно. Вот если бы спица сломалась и кончик остался бы в ране... Но нет – окровавленная спица с шестью рядами петель валялась на полу. Рана! Окровавленные брюки! Но что, если убийца умеет владеть собой не хуже Муция Сцеволы⁷ и сможет ходить, не хромая? Рана, наверное, не столь уж и страшна, спица ведь не сабля. А брюки не проблема – в киноателье полным-полно разной одежды. Можно незаметно стянуть в костюмерной подходящие брюки, Галина Мироновна если и хватится, то не скоро. Какие еще улики? Веревка? Вера поискала глазами веревку, но не нашла – на полу, кроме двух спиц, ничего не было.

В который уже раз за последнее время Веру посетило дурацкое неприятное чувство, будто держит она в руках клубок пряжи и никак не может найти кончик, потянув за который можно будет распутать клубок.

– Дура ты, Вера. – Бабушкин голос был слышен столь отчетливо, словно бабушка сидела рядом. – Не о глупостях надо думать, а радоваться, что жива осталась.

Вера послушалась совета и стала радоваться.

⁷ Гай Муций Сцевола – легендарный древнеримский герой, в доказательство своей стойкости сунувший правую руку в огонь и державший ее там до тех пор, пока она не обуглилась.

2

«В Москве за попытку убийства известной гадалки Н. задержан купец первой гильдии Бурчаков. По словам самого Бурчакова, три месяца назад он обратился к гадалке с просьбой назвать ему акции, приобретение которых принесло бы в ближайшем будущем хороший доход. Гадалка согласилась исполнить просьбу, потребовав за это три тысячи (!) рублей. Столь высокая плата не смутила Бурчакова, поскольку, пользуясь рекомендациями Н., он рассчитывал выручить гораздо большие суммы. По указанию Н. Бурчаков купил на сто пятьдесят тысяч рублей акций печально известного товарищества «Теодор Клюге и сыновья». После банкротства товарищества Бурчаков явился к Н., чтобы обвинить ее в шарлатанстве и потребовать возмещения убытков. Между ними возникла ссора. Бурчаков вытащил револьвер и стал угрожать им Н., а та, в свою очередь, пригрозила наслать на него порчу. В пылу ссоры Бурчаков произвел два выстрела из своего револьвера. Первым убил говорящего попугая гадалки, а вторым разбил висевшее на стене зеркало. Н. от ужаса лишилась чувств. Бурчаков был задержан прибежавшим на шум дворником Колякиным».

Ежедневная газета «Русское слово», 4 января 1913 года

6 января 1913 года⁸. Крещение. Вечер.

«Раз в крещенский вечерок девушки гадали...» – крутилось в голове.

– Мирная конференция с участием Турции и Болгарии откладывается... – читал вслух Владимир, заслонившись от Веры газетой.

Очень символично. Весьма показательно. Муж отгородился и читает про неинтересное, а ты сиди и слушай. Ох, не шутит, не шутит тетя Лена, когда говорит, что хорошее браком никогда не назовут. Только дорости надо, повзрослеть, вкусить как сладости супружества, так и его горести, чтобы эту правду понять. Да, конечно, у тети Лены в свое время, как это принято говорить, «не сложилось», но сейчас она этому, кажется, даже рада. Искренне. Лучше уж так жить, вольною птицей, чем...

– Расскажи лучше что-нибудь интересное! – не выдержала наконец Вера. – Политика – это так скучно!

Владимир вздохнул (о, сколько порицания прозвучало в этом вздохе!), но послушался. Аккуратно свернул газету и отложил в сторону. Аккуратность эта привела Веру в еще большее раздражение. Казалось бы, пустяк, а вот надо же. «Это просто нерационально, – попыталась оправдаться перед самой собой Вера. – Зачем так тщательно складывать газету, если через четверть часа к ней вернешься?» В том, что Владимир скоро вернется к чтению, сомнений не было. По-

⁸ Даты приводятся по старому стилю.

долгу они в последнее время не разговаривали.

Жить с человеком, которого любишь, легко и замечательно. Но как же трудно заново полюбить человека, с которым живешь!

– Позавчера в «Лоскутной» был скандал с кровопролитием. Явилась компания, в которой были офицеры и штатские, уселись в кабинете, потребовали шампанского и коньяку, выпили, заспорили, и в результате спора один из офицеров выхватил пашку и отсек левое ухо своему оппоненту...

– Какой ужас! – ахнула Вера. – Зачем ты мне рассказываешь такое?

– Но ты же просила интересного.

– Что интересного в том, что человеку отсекли ухо в пьяном споре? Это ужасно, а не интересно! Офицер – твой клиент?

– Почему же – клиент? – Владимир, казалось, немного обиделся. – В «Вечерних известиях» прочел. Вся пикантность в том, что спорили о необходимости автономии для Кавказа, а уха лишился уездный кутаисский предводитель дворянства князь Нижерадзе. И отсеченным ухом кровопролитие не закончилось...

Вера крепко прижала ладони к собственным ушам, словно их тоже кто-то собирался отсечь, и затрясла головой, давая понять, что не желает слушать дальше. Владимир умолк и с легко уловимым неодобрением посмотрел на ее руки. Manicure, новая парижская мода окрашивать ногти в раз-

ные цвета. Большинство предпочитает красный цвет, но Вера выбрала нежно-розовый. «О, мадам, какие у вас прелестные ручки! – сюсюкала толстая француженка, сопровождая каждое слово легким взмахом маленькой кисточки. – Какие изящные пальцы! А какие ногти! Редко встречается столь идеальная миндалевидная форма! Ах, если бы я была скульптором...» Наговорила комплиментов с три короба, было очень приятно. И розовые ноготки Вере понравились – красиво же. Не удержалась, так хотелось похвастаться, что по дороге из салона домой заехала в Милютинский переулок, в контору Владимира. Выставила перед ним сразу все десять пальцев – любуйся на здоровье! – а он не восхитился, не порадовался, только поинтересовался, сколько стоит «эта блажь». Хорошо зная рачительность супруга, Вера втрое уменьшила цену, но все равно получила «репрошку».⁹ «Как дорого!» – сказал Владимир, да еще и головой покачал так сокрушенно, будто Вера спустила на модную забаву последние деньги. Вспомнил бы лучше, какие суммы ежемесячно тратятся на содержание автомобиля! Уму непостижимо – какое-то стеклышко, закрывающее лампочку, стоит дороже роскошного зеркала, потому что оно «особенное». Да что в нем может быть такого особенного? Стеклышко как стеклышко! Но разве она мешает мужу тратить деньги так, как ему вздумается? Да Бога ради! Деньги для того и существуют, чтобы приносить удовольствие. Почему же тогда он

⁹ От французского reproche – упрек.

попрекает ее такой малостью? И уже далеко не в первый раз. И почему он считает себя вправе решать, что для Веры хорошо, а что плохо. Да – он муж, но она же, в конце концов, не крепостная и не сумасшедшая! Она может принимать решения самостоятельно! Может и будет! Она станет актрисой, как тетя Лена! Она не позволит похоронить себя в четырех стенах! Чем ей заниматься целыми днями? Читать-вышивать в ожидании возвращения мужа? Ску-у-учно! Ужасно скучно. Помрешь, и никто не вспомнит, что жила на свете Вера Васильевна Холодная, в девичестве Левченко. Ну ладно, сестры вспомнят, дети с племянниками, если народятся, внуки... А дальше забвение. Бабушек еще почти все помнят, но прабабушек уже мало кто. А вот Сара Бернар или Вера Комиссаржевская будут жить в памяти людской вечно.

Что-то в глубине души подсказывало Вере, что и она тоже непременно прославится, только не на сцене, а в кино. Кинематограф манил невероятно. Тетя Лена Веру понимала, несмотря на все противоречия между театром и кинематографом, а вот Владимир не понимал. Не хотел понимать. Было время, когда он слушал Веру без возражений и даже поддакивал, вроде как разделял, соглашался, одобрял, но это одобрение было фальшивым. Так взрослые дядечки поддакивают маленьким неразумным девочкам, чтобы те понапрасну не огорчились. А стоит только дойти до дела, так начинается. Сцена – фи, кинематограф – фу, опера – тьфу. В смысле – недостойно. Ах, скажите на милость! Воров, раз-

вратников и убийц защищать – это достойно, а блистать на сцене или на экране – нет? Вера однажды не выдержала и предложила мужу произвести такой опыт – выйти на улицу и спросить у десяти прохожих, кто такая Сара Бернар и кто такой Владимир Холодный. Передергивала, конечно, была в самое чувствительное для мужчин место, куда, вообще-то, бить не стоит – в самолюбие, но Владимир поступил еще хуже. Рассмеялся (делано и очень гаденько, мелкими такими смешками) и сказал в ответ, что имена Гая, Папиниана, Павла, Ульпиана и Модестина¹⁰ вошли в историю, в отличие от актеров, их развлекавших. Так и сказал: «развлекавших». Ах, слышала бы это тетя Лена! И хорошо, что не слышала, иначе бы навсегда вычеркнула Владимира из списка знакомых! «Ты же сам когда-то говорил, что хотел бы, чтобы наша дочь стала оперной певицей!» – сквозь навернувшиеся слезы выкрикнула в лицо мужу Вера. «Но я же шутил! – не моргнув глазом, ответил он и упрекнул: – Надо же понимать, когда люди шутят, а когда говорят серьезно». Продолжение разговора привело к констатации факта – Вера пользуется чересчур большой свободой, вот и «блажит». Было много слез, много негодования, было изгнание ничтожного Адама из рая, то есть из супружеской спальни в кабинет, на диван. Потом наступило раскаяние (вряд ли искреннее), Владимир целовал Вере руки, просил прощения и поклялся, что не будет препятствовать ей делать то, что она хочет. С оговоркой

¹⁰ Известные юристы Древнего Рима.

– ведь адвокаты не могут без оговорок! – что ее поступки «не выйдут за рамки приличий». Ах, недаром говорят, что в оговорках и кроется нечистая сила. Кому определять эти самые рамки? Конечно же, Владимиру. Захочет, и новомодный manicure неприличным объявит!

Владимир, почувствовав великое раздражение супруги, явно решил ей угодить.

– Могу рассказать загадочное, – сказал он таким тоном, будто предлагал Вере вкусное лакомство, и даже ладони аппетитно потер. – В газетах писали, но вскользь, а суда еще не было.

Верино настроение мгновенно улучшилось. Загадочное она любила.

Почувствовав, что атмосфера начала разряжаться, Владимир оживился. Встал (они сидели в креслах в гостиной) и в несколько подходов к буфету накрыл маленький, богато украшенный столик – графин с коньяком для себя, бутылка редерера¹¹ для Веры, вазочка с пастилой, вазочка с конфетами, вазочка с печеньем. Вставшую было помогать в сервировке Веру жестом попросил сесть обратно. Что ж, приятно, когда за тобой ухаживают. Вера села и начала предвкушать. От редерера решительно отказалась. Еще ударит в голову, не сообразишь, что к чему. А вот Владимир совсем разошелся. Налил себе одну рюмку коньяка, выпил залпом, налил другую и тоже выпил залпом, а третью оставил смаковать. От

¹¹ Род шампанского вина.

коньяка лицо раскраснелось, смягчилось, глаза заблестели, и Вера вспомнила, что точно так же Владимир выглядел в тот памятный вечер, на ее выпускном балу. Только тогда был пьян не от коньяка, а от любви...

Владимир снял пенсне, потер двумя пальцами переносицу, вернул пенсне на место и начал рассказ.

– В декабре, если ты помнишь, газеты писали, что на Тверской, в доме Шаблыкина, среди бела дня убили Корнелию Рудольфовну Метти, жену инженера Московского электrolитического завода. – Сочный баритон мужа звучал так же уверенно, как и в суде, обволакивал, пленял. – Только, кажется, никто не написал, что в квартире в момент убийства находилась кухарка, которая ничего не видела и не слышала! Рядом с жертвой убийцы оставили орудия преступления – тяжелую металлическую трость и небольшой топорик. Не такой, которым обычно рубят дрова, а маленький, который принято брать с собой на пикники для того, чтобы срубить мешающую ветку или нарубить хворосту для костра. Спрятать такой под одеждой очень легко...

Вера внимательно слушала и рисовала в воображении картину. Вот, изломавшись в неестественной позе, лежит на полу бедная Корнелия Рудольфовна. На голове у нее рана. Так-так! Минуточку! Надо уточнить!

– Сначала оглушили тростью, а потом добились топором? – спросила она.

Владимир утвердительно кивнул и продолжил рассказ.

– Корнелия Рудольфовна жила вместе со своим супругом Людвигом Генриховичем, детей у них не было. В доме Шаблыкина они поселились прошлой весной, до этого жили в Гельсингфорсе. Инженера Метти пригласили участвовать в строительстве электролитического завода в качестве консультанта. Несмотря на то что супруги жили вдвоем, они занимали большую квартиру из восьми комнат. В Москве жила девятнадцатилетняя дочь Корнелии Рудольфовны от первого брака, Амалия Ямпольская, жена бухгалтера богадельни Московского Ремесленного Общества Иосифа Ямпольского...

«Детей у них не было, – отметила Вера самое важное. – Не бедствовали, если жили вдвоем в восьми комнатах...» Дочерью от первого брака не заинтересовалась по двум причинам. Первая – матерям обычно мстят незамужние дочери, замужние мстят мужьям. Жена адвоката, знакомая с множеством судебных случаев, вправе делать выводы. Второе – дочь тут не наследница. Вот если бы она была бы падчерицей, то...

– Это, к слову будет сказано, тот самый Ямпольский, который проходил свидетелем по процессу гласного Московской городской думы купца первой гильдии Шамина...

Владимир имел привычку щедро разбавлять полезные для отгадки сведения бесполезными. Купца первой гильдии Шамина Вера пропустила мимо ушей, вместе с бухгалтером Ямпольским.

– Накануне инженер Метти уехал по делам службы в Варшаву. Супруга отправилась провожать его на вокзал, затем вернулась и больше из квартиры не выходила. Покойная была красива, следила за собой, если не сказать отчаянно молодилась...

Лицо лежавшей на полу женщины приобрело красивые правильные черты.

– Одевалась по последней моде и...

– Должно быть, держала своего супруга под каблучком? – игриво предположила Вера.

Не просто так предположила, а с умыслом.

– Можно сказать и так, – Владимир снова кивнул и отпил из рюмки немного коньяку. – Не слишком с ним считалась. Он с ней, впрочем, тоже. Такой, знаешь ли, брак на американский манер, когда люди вроде бы живут вместе, а на самом деле порознь.

В последней фразе Вере послышался скрытый упрек, но она предпочла притвориться, будто ничего не заметила. Взаимную свободу супругов приняла к сведению. Это важно.

– Никаких признаков ограбления! – воскликнул с выражением Владимир. – Не ясны мотивы! Чем могла заслужить столь страшную смерть добропорядочная сорокалетняя дама?!

Отсалютовав Вере рюмкой, Владимир занялся коньяком, а Вера стала думать. Подумав немного, выразительно посмотрела на мужа. Тот благодушно (третья рюмка коньяку,

как-никак) кивнул, давая понять, что Вера может задать вопрос. Иногда, если Владимиру нечего было добавить к рассказу, вопросы задавать не полагалось – бесполезно.

– Кухарка была глухой или нет? – спросила Вера.

Владимир слегка выпятил нижнюю губу (этот странный, несчастый жест выражал восхищение) и сказал:

– Зрение и слух у нее были в порядке, молодая баба, год как из деревни.

– Любовник! – уверенно заявила Вера. – Больше некому. Кому еще барыня станет открывать дверь сама, при наличии дома прислуги? А кухарка, скорее всего, вообще была приучена не высовывать носа из кухни понапрасну, оттого и говорит, что якобы ничего не видела и не слышала. Видеть она и впрямь не могла, но вот слышать, как хлопнула входная дверь, должна была. В хороших домах двери добротные, тяжелые, громко хлопают. А у прислуги ушки всегда на макушке, им господская жизнь заменяет театр вместе с литературой.

– Ты права, – улыбнулся в усы Владимир. – Корнелия Рудольфовна и впрямь не отличалась супружеской верностью. В отсутствие супруга она позволяла себе принимать посторонних мужчин. Обычно это случалось днем, а если супруг уезжал в командировки, то гости приходили вечером и оставались до утра. «Гуляла барыня без оглядки, никого не стеснялась», – сказал о ней швейцар. Его слова подтвердили и дворники. А еще швейцар и кухарка сообщили, что между

супругами Метти никогда не происходило ссор. Так что Корнелия Рудольфовна могла творить все, что ей заблагорассудится. Ты угадала, убил ее любовник, которого швейцар описал как молодого человека, одетого в пальто с котиковым воротником и в котиковой шапке. Он пришел вечером и оставался в квартире почти до полудня. Швейцар выпустил его из подъезда незадолго до того, как кухарка обнаружила тело. Он уходил спокойно, не вызвав никаких подозрений. Но мотив? Каков, по твоему мнению, мотив? Напоминаю, что в квартире ничего не пропало, и уточню, что о ревности ты можешь даже не думать, потому что Корнелия Рудольфовна... хм... не дарила мужчинам свою любовь, а торговала ею за деньги. Так что точнее будет сказать не «любовник», а «клиент». Итак, каков мотив?

– Каков мотив? – повторила озадаченная Вера и тут же пристально посмотрела на мужа. – А кто сказал, что из квартиры ничего не пропало? Господин Метти? Или кухарка? Откуда им знать, сколько денег или какие драгоценности были у убитой? Вряд ли она отчитывалась перед мужем в своих доходах.

– Bravo! – Владимир поставил опустевшую рюмку на стол и трижды хлопнул в ладоши, изображая аплодисменты. – Корнелия Рудольфовна имела привычку складывать деньги, полученные от клиентов, в шкатулку, которую хранила в тайнике, устроенном в стоявшем в ее спальне шкафу. Негодяй подсмотрел, куда она прячет деньги, и решил поживиться.

Он оказался настолько хладнокровным, можно сказать бессердечным, что, забрав деньги (по его словам, там было восемь с небольшим тысяч), убрал шкатулку обратно в тайник и задвинул крышку. Полиция арестовала его на Александровском вокзале...

– А топор? – вспомнила Вера. – Он что, пришел к ней с топором, как Раскольников? Был не в первый раз? Обдумал все заранее?

– С топором закавыка, – развел руками супруг. – Преступник, варшавский мещанин по фамилии Бжоза, утверждает, что топор он нашел в коридоре. Стоит на этом намертво, видимо, уже опытный преступник и понимает, что за обдуманное заранее намерение ему грозит большее наказание. Хозяин квартиры и кухарка в один голос утверждают, что никакого топора в квартире не было. Да и если был бы, то что ему делать в прихожей? Топор – это не трость и не зонт. А ты молодец, Вера! Я поражаюсь твоей прозорливости и твоему уму! Родись ты мужчиной...

Родиться мужчиной Вере никогда не хотелось. Женщиной быть гораздо интереснее. При условии, что не приходится никому подчиняться. Она улыбкой поблагодарила мужа за похвалу, не забыв отметить то, что прозорливость он поставил на первое место, а ум на второе. и взяла из вазочки пастилку.

Взяла, да только в рот положить забыла, потому что вдруг

нахлынули воспоминания. Началось с дворника Егора,¹² который на самом деле оказался вором и отравителем и тоже, кстати, варшавским мещанином (настоящий питомник преступности эта Варшава!), а следом вспомнилось и многое другое из того, что в светлый праздничный день лучше и не вспоминать.

– Что с тобой, Верочка? – обеспокоился муж, вскакивая на ноги. – Голова закружилась? Хочешь прилечь?

Вера почувствовала укол совести, не очень сильный, но все же ощутимый. Владимир заботлив, этого у него не отнять, и он ее любит. По-своему, но любит. А что расчетлив да занудлив, так это издержки профессии. Адвокату положено быть педантом, иначе он своего дела должным образом делать не сможет. Ну а то, что актерство считает второсортной профессией, так это от недостатка фантазии и одухотворенности, весьма часто встречающейся у мужчин. Мужчины прямолинейны, приземленны, нечувствительны. Даже самые лучшие из них не способны чувствовать так же тонко, как чувствуют женщины. Они не виноваты, ведь такими их создал Бог. Им можно только посочувствовать.

Особенным сочувствием у Веры пользовался один симпатичный и добрый (что весьма важно) штабс-ротмистр с глазами бездонной глубины, манящими, чарующими, пронзительными.

¹² См. первую книгу серии «Загадка Веры Холодной».

3

«На очередном заседании Московского Общества истории и древностей России произошла драка между председательствовавшим профессором Ж. и известным беллетристом А. Формальным поводом для конфликта послужило несогласие по некоему научному вопросу, но член Общества, пожелавший сохранить свое имя в тайне, намекнул нашему корреспонденту, что истинной причиной является одна очаровательная особа, дарившая свою благосклонность обоим противникам».
Ежедневная газета «Утро России», 9 января 1913 года

За то время, пока они не виделись – каких-то восемь месяцев или около того, – симпатичный штабс-ротмистр заметно изменился. Похудел, побледнел, осунулся – словом, постарел лет на пять, но симпатичности своей не утратил. «Бедный! – пожалела его сердобольная Вера. – Совсем заработался в своей канцелярии». Были и другие перемены. Штабс-ротмистр стал ротмистром и из исполняющего обязанности начальника Московского контрразведывательного отделения превратился в просто начальника. О чем и доложил, стоило только Вере появиться на пороге его кабинета. Кабинет, кстати говоря, был не тот, что раньше, но тоже на втором этаже. Больше прежнего, хотя и тот был далеко не мал, угловой, отчего вместо трех окон целых шесть, с солид-

ной, основательной мебелью, настенными часами, портретом государя во весь рост, запомнившимися Вере гравюрами с изображением лошадей и даже такой неуместной в казенном помещении роскошью, как ломберный столик. Столик стоял недалеко от двери, возле книжного шкафа, явно не на своем месте. Вера подумала, что Немысский, должно быть, еще не решил, куда его поставить. Или, может, купил для дома, но зачем тогда его привезли в контору?

При кабинете имелась небольшая приемная, в которой сидел не то помощник Немысского, не то его адъютант. Вера в таких тонкостях не разбиралась. Наверное, все-таки адъютант, раз в форме. Адъютант был много старше Немысского, на вид ему можно было дать лет сорок пять, если не все пятьдесят. Глубокие залысины, серебро на висках, морщины на лбу и возле глаз, взгляд умудренного опытом человека. Когда он окинул Веру взглядом, у нее возникло такое чувство, словно ее просветили насквозь.

– Разрешите представиться, Вера Васильевна! Начальник Московского контрразведывательного отделения ротмистр Немысский!

– Мы же с вами знакомы, Георгий Аристархович, – с улыбкой напомнила Вера. – Я даже о вас вспоминала... Иногда. Думала, что вы делаете карьеру в Петербурге.

Обычное кокетство и ничего более. Тут главное перед «иногда» сделать небольшую паузу и немного понизить голос. Оттого слово прозвучит доверительнее, почти интим-

но. Простая уловка, но Немысский смутился, зарделся. Хорошо начальник контрразведывательного отделения, нечего сказать! Как такой, интересно, с симпатичными шпионками станет справляться? Но, наверное, справляется, иначе бы на службе не держали. Контрразведка – не гвардия, здесь не блещут, а работают.

– Человек предполагает, а начальство располагает, – дернув усом, ответил ротмистр и сделал приглашающий жест рукой. – Прошу вас.

К широкому, крытому зеленым сукном столу был перпендикулярно приставлен длинный (по семь стульев с каждой стороны) стол для совещаний, тоже крытый зеленым сукном, но более темных тонов. Усадив Веру на один из стульев, Немысский не стал садиться за свой стол, обошел его и сел напротив Веры, словно желая подчеркнуть, что разговор пойдет на равных началах. Внимательно посмотрел на Веру и сказал:

– Как вы уже, наверное, догадались, Вера Васильевна, у меня к вам есть дело, точнее говоря – просьба.

Вера улыбнулась и кивнула. Конечно же, догадалась. Если с утра пораньше жандармский поручик привозит конверт с запиской, в которой тебя приглашают на Малую Грузинскую, в контору контрразведки. Несложно догадаться, что это по делу. Если бы звалась не Верой, а Татьяной, то могла бы еще подумать, что Немысский хочет таким несколько оригинальным способом поздравить ее с именинами, ведь сегодня 12

января.

– Мы ищем ботаника.

Вера удивленно приподняла бровь. Ботаника? Зачем контрразведке ботаник? Цветочки выращивать? Увы, тут она помочь не сможет, поскольку в ботанике не разбирается.

– Ботаник – это агентурное прозвище глубоко законспирированного германского шпиона, на след которого мы пытаемся выйти уже несколько месяцев, – пояснил Немысский, заметив Верину удивление. – Не стану перечислять его «подвиги», чтобы не отнимать понапрасну время, скажу только, что вреда этот господин наносит много. Очень много. К шифровке, из которой мы узнали о его существовании, прилагалась посылка, коробка с сигарами. С германскими сигарами.

Последнюю фразу ротмистр произнес с особым значением.

– Я не разбираюсь в сигарах, – сказала Вера. – Это какая-то особо ценная контрабанда?

– Это знаменитое изобретение профессора фон Берлепша, удобное и надежное средство диверсий, – начал объяснять Немысский. – Стальные трубочки, размером чуть больше сигары, разделенные внутри надвое цинковой перегородкой. Каждое из отделений заполняется химическими составами, которые при соединении друг с другом вспыхивают, вызывая пожар. Один из составов едкий, он проедает цинковую перегородку. Все рассчитано с немецкой дотошностью,

изменяя толщину перегородки можно управлять временем диверсии, есть соответствующая таблица. Сигара не просто вспыхивает, она буквально взрывается огнем, который летит во все стороны. Достаточно одной такой сигары, чтобы сжечь целый завод или большой корабль.

– Какой ужас! – прочувствованно сказала Вера, очень бо-
вавшаяся пожаров. – Пожар – это так страшно!

– В коробке было двенадцать таких сигар, – жестко сказал Немысский. – Двенадцать диверсий. На Рождество сгорело два цеха на заводе Гужона. Те самые, в которых производили особую сталь для нужд флота. Три дня назад был пожар на механическом заводе торгового дома «Шварцкопф и Грюн». Поневоле задумаешься – случайность или диверсия? И это сейчас, в мирное время. А что будет с началом войны, я и представить не могу.

– С началом войны?! – ахнула Вера. – Неужели будет война? Не пугайте, Георгий Аристархович! То у вас пожары, то война.

– Не пугаю, а делюсь умозаключениями. – Немысский слегка нахмурился. – Война, Вера Васильевна, будет. Непременно. Скоро. Если не в этом году, то в следующем наверняка. Уж больно агрессивно ведет себя Германия.

– Но ведь их кайзер и наш государь – родственники...

– Помилуйте! – поморщился ротмистр. – Все европейские монархи в родстве друг с другом, но это ничего не значит. Эти родственные связи не помогут избежать войны. Мир

устроен так... Простите, отвлекся. Давайте вернемся к делу. Из перехваченного зашифрованного сообщения нам стало известно, что в Москве много лет действует глубоко законспирированный германский агент, имеющий псевдоним Botaniker. Der Botaniker. Herr Botaniker. Нам удалось узнать, что он имеет отношение к киноателье Ханжонкова. Знаете такое? Акционерное общество «Александр Ханжонков и компания». Огромное киноателье в Замоскворечье, на Житной улице напротив Казанского переулка.

– Слышала, – скромно ответила Вера. – Кажется, раньше оно располагалось где-то в Крылатском?

Киноателье Ханжонкова? Того самого, что снял «Оборону Севастополя», «Пиковую даму», «Онегина» и «Годунова»? Сердце Веры, только что тревожно сжавшееся при мысли о войне, радостно затрепетало при мысли о том, где ей придется выполнять поручение Немысского. Ясно же, что ротмистр попросит ее помочь найти Ботаника. Ах, как славно все складывается! Это называется «на ловца и зверь бежит»! Контрразведка поможет ей устроиться в киноателье... Ах! Ох! Неужели?! Интересно, чем ателье Ханжонкова так привлекает шпионов? Три года назад там работал «охотником за головами» агент австрийского шпиона графа Спаннокки, теперь вот – Ботаник. Три года назад... Как давно это было. Как будто в другой жизни. И сама Вера тогда была другой. Подумать только – она тогда не любила кинематограф, отказывала ему в праве считаться искусством. Сказывалось

влияние тети Лены, актрисы Малого театра Елены Лешковской. Впрочем, с тех пор и сама тетя Лена смягчилась к кинематографу.

– Именно так, – кивнул Немысский. – Но в Крылатское далеко ездить, вот наш прыткий подьесаул и перенес свое ателье поближе.

– Прыткий подьесаул? – переспросила Вера. – Это вы о Ханжонкове?

– О нем, о нем, – совсем по-стариковски проворчал Немысский. – Про таких в романах принято писать «человек с интересной судьбой», а в нашем ведомстве говорят проще: «мутная личность». Я вам сейчас расскажу про него и про его киноателье подробно. Если желаете делать записи, то прошу за мой стол, за ним писать удобнее.

– Спасибо, но я, пожалуй, обойдусь без записей, – ответила Вера и приготовилась слушать.

Хотела было добавить, что не тот у нее возраст, чтобы жаловаться на память, но постеснялась. Немысский мог бы счесть это кокетством, а во время делового разговора кокетство неуместно. Жизнь рано научила Веру серьезности.

– Но прежде я должен ознакомить вас с моим планом, – спохватился Георгий. – Загвоздка в том, Вера Васильевна, что нам несподручно заниматься киноателье Ханжонкова, не имея внутри своего человека. Внедрить некого, вербовать никого нельзя, потому что велик риск завербовать самого Ботаника или кого-то из его сообщников, вот я и вспомнил

про вас.

Немысский выдержал паузу, давая Холодной возможность осмыслить услышанное, а затем продолжил:

– Вы, Вера Васильевна, идеальный кандидат на роль нашего агента у Ханжонкова. Вы умны, наблюдательны, проницательны, умеете располагать к себе людей, у вас есть опыт, и при этом ваша связь с контрразведкой пока что остается в тени. Кроме того, вы весьма интересуетесь кинематографом, смотрите по три-четыре картины в неделю.

– Откуда вам это известно, Георгий Аристархович?! – Вера нахмурилась и строго посмотрела на Немысского. – Ваши люди что, следят за мной?

– Мы за вами наблюдали, – не моргнув глазом признал ротмистр. – Надо же было убедиться в том, что после событий в «Альпийской розе»¹³ вами не заинтересовались наши враги. Не спросишь же у них напрямую. Так что мы наблюдали не столько за вами, сколько за тем, не наблюдает ли за вами кто-то еще. Позвольте узнать, не замечали ли вы за собой слежки?

– Не замечала, – сухо ответила Вера.

Объяснение Немысского было довольно убедительно, но все равно сам факт слежки вызывал недовольство. Неприятно же, когда кто-то тайно вмешивается в твою личную жизнь, даже если из лучших побуждений.

– Вы сердитесь? – удивился Георгий. – Почему?

¹³ См. вторую книгу серии о Вере Холодной.

– Могли бы и предупредить! – вырвалось у Веры. – Я, кажется, доказала, что мне можно доверять! Или еще нет?

На Немысского было очень приятно сердиться. Только что сидел в солидном кабинете солидный жандармский ротмистр, начальник контрразведывательного отделения, и вдруг он превратился в провинившегося юнца! Запунцовел ушами, растерялся, руки к груди прижал. «Какие у него красивые руки, – подумала Вера, глядя на длинные пальцы Немысского. – Ему бы подошел manicure¹⁴. Впрочем, офицерам, наверное, нельзя».

– Нельзя было предупреждать, Вера Васильевна, потому что человек, знающий, что за ним ведется наблюдение, может выдать это неосторожным жестом. Вы бы начали часто и внезапно оглядываться, или стали бы высматривать в зеркальце, что творится у вас за спиной, или предприняли бы еще что-то в этом роде. Если бы за вами наблюдали враги, то...

– Хорошо. – Вера сменила гнев на милость. – Вы меня убедили. Я согласна помочь. В качестве кого я появлюсь в киноателье?

– В качестве Веры Васильевны Холодной, скучающей жены преуспевающего адвоката. – По взгляду Немысского было видно, что его удивил Верин вопрос. – Вы любите кинематограф, тайне мечтаете сниматься в кино, у вас есть кое-какие средства, которыми вы можете распоряжаться по сво-

¹⁴ В то время мода окрашивать ногти распространилась и на мужчин.

ему усмотрению, и вы не прочь вложить их в производство картин. Ханжонков активно привлекает средства на развитие своего дела. Киноателье на Житной – не предел его желаний. Он хочет выстроить в Крыму целый город, в котором будет все, о чем только можно мечтать кинематографистам, любая натура для съемок – восточная улица, европейская улица, средневековые замки, русские избы, китайские пагоды, заводские цеха, рестораны, казино, театры... Все, что только можно вообразить, включая огромный аквариум для подводных съемок. И непременно в Крыму, потому что тамошняя погода позволяет вести съемки круглый год. Можете представить, каких денег стоит эта затея. Компаньонства Ханжонков не любит, явно не хочет делиться ни с кем властью, а вклады от частных лиц принимает охотно и обещает хороший процент. То, что вы захотите ознакомиться с постановкой дела, взглянуть на него изнутри, прежде чем вкладывать в него деньги, будет выглядеть весьма естественно. Сто пятьдесят тысяч – солидный капитал. Ханжонков вас поймет, он и сам весьма осторожный человек. Семь раз отмерит, прежде чем отрезать.

– Но у меня нет ста пятидесяти тысяч, – растерялась Вера. – И вряд ли я смогу...

– Это уже наша забота, – перебил ее Немыский. – Во-первых, вам ничего не придется вкладывать на самом деле. Вам нужна только легенда, объясняющая ваше присутствие. Но на тот случай, если Ханжонков потребует доказательств

или ему вздумается навести справки, мы откроем вам счет в Волжско-Камском коммерческом банке и положим на него эту сумму. Если Ханжонков поинтересуется происхождением капитала, скажете, что получили наследство от дальней родственницы. В подробности не вдавайтесь, незачем. Для дельцов главное – сами деньги, а не их история. Если у вас, Вера Васильевна, нет больше вопросов, то я хотел бы заочно познакомить вас с Ханжонковым и кое с кем из его сотрудников.

Вера отрицательно покачала головой, давая понять, что вопросов у нее нет.

– Ханжонков потомственный дворянин, сын новочеркасского помещика, – начал рассказывать Немысский, делая небольшие паузы после каждой фразы. – В 1896 году окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище и в чине подхорунжего начал службу в Первом Донском казачьем полку. Полк этот расквартирован в Москве, в Николаевских казармах. Хорошее место для службы, как говорят, «карьерное», но с карьерой у Ханжонкова не заладилось. В 1905 году он вышел в отставку по болезни в чине подьесаула. Хронический полиартрит, болезнь суставов.

– А к какому классу относится подьесаул? – любопытствовала Вера, плохо разбиравшаяся в воинских званиях.

– К девятому. Соответствует штабс-капитану или титулярному советнику.

«Он был титулярный советник, она – генеральская дочь, –

совсем некстати всплыло из памяти и зазвучало напевом в голове. – Он робко в любви объяснился, она погнала его прочь...»¹⁵ Пришлось тряхнуть головой, чтобы прогнать навяжделение.

– Ханжонков любит рассказывать о том, как во время войны с японцами он под огнем неприятеля повел свою сотню в атаку, был ранен, долго пролежал на сырой земле и таким вот образом заработал свою болезнь. Но все это ложь от начала и до конца. С японцами он не воевал, у него вообще нет боевого опыта. Отец Ханжонкова умер в 1900 году, с его смертью имение перестало приносить доход, но после выхода в отставку у Ханжонкова обнаружилось средства. И немалые. Их хватило для открытия торгового дома на паях с одним подданным Франции, неким Эмилем Ошем. По словам самого Ханжонкова, к сбережениям, сделанным за время службы, он добавил то, что получил по выходе в отставку, и еще занял сколько-то на стороне. Звучит правдоподобно, но только если не вдумываться. А вот если вдуматься, то какие сбережения, скажите на милость, может сделать подъесаул, да еще и служащий в Москве, где цены далеко не те, что в провинции, и всяких соблазнов больше? Об этом я по своему собственному опыту судить могу, несмотря на то что по нашему ведомству платят больше. – Немысский усмехнулся и покачал головой, давая понять, что больше, да не намного. – Жалованье Ханжонкова вместе с добавочными, столовыми

¹⁵ П.И. Вейнберг. «Он был титулярный советник» (1859).

и квартирными едва превышало две тысячи в год, но разве для Москвы это деньги? Да еще и в кавалерийском полку, где трат несравнимо больше, чем в пехотном? К тому же он возвращался в свете, а там без средств делать нечего. Можно предположить, что имение давало хорошие деньги, пока был жив отец, но это не так. Я затребовал справку о доходности имения за последние пятнадцать лет. Не стану утомлять вас цифрами, скажу только, что давало оно не так уж и много прибыли. Во всяком случае, родители Ханжонкова не имели возможности посылать ему мало-мальски значимые суммы. Вот поневоле и призадумался: откуда взялись деньги? Кредитов новичкам давать не принято. Сами посудите – отставной офицер и бывший приказчик торговой фирмы решают открыть киноателье. Кто из серьезных людей даст им кредит? И много ли может занять у знакомых подъесаул?

– Но вы же сами сказали, что он возвращался в свете, – напомнила Вера.

– В этом кругу не принято давать друг другу в долг. Сама просьба уже воспринимается как бестактность. За протекцией – к знакомым, за деньгами – к ростовщикам. Правда, Ханжонков несколько раз упоминал о том, что ему помогла начать дело баронесса Икскуль фон Гильденбрадт. Они действительно знакомы, и баронесса не чужда благотворительности, только сомнительно, чтобы она ссужала деньгами кинематографистов. Все знают, что баронесса кино не жалует, считает его низким искусством. В общем, есть повод задуматься.

маться.

– Вы думаете, что Ботаник – Ханжонков? – спросила Вера.

– Не исключаю такой возможности, – ответил Немысский. – Непонятно откуда взявшиеся деньги для открытия дела, склонность к искажению биографии, широкий круг знакомств, частые разъезды – все это наводит на подозрения. Киноателье, точнее съемки кино, дают прекрасную возможность для диверсий и шпионажа. Под предлогом выбора места для съемок можно заявиться куда угодно, не вызывая при этом никаких подозрений. Под видом съемки можно вести наблюдение где угодно и так далее. К тому же в обществе благосклонно относятся к кинематографистам, считая их безобидными чудаками. Идеальное прикрытие. А опыт, Вера Васильевна, учит, что ни одно прикрытие не остается без внимания. Но вернемся к Ханжонкову. Дело у него сразу пошло в гору. Он быстро избавился от компаньона, не исключено, что тот был взят номинально, для придания большего веса только что основанному торговому дому. Известно же, что иностранцам у нас доверяют больше, чем своим, считая, что немцы да французы умеют вести дело должным образом и при этом не обманывают. Зablуждение, конечно, но глубоко укоренившееся.

Теперь у Ханжонкова одно из лучших в России киноателье. Кроме съемок картин он издает журнал под названием «Вестник кинематографии». Нынче каждой уважающей себя кинофирме положено иметь свой журнальчик. «Вестник»

выходит два раза в месяц по субботам. Редактором там Александр Иванович Иванов-Гай, режиссер, некогда бывший репортером. Характер у него неуживчивый и неуступчивый. С Ханжонковым они ладят плохо. Иванов-Гай считает себя знатоком журналистики, а Ханжонков считает себя знатоком всего, что связано с кинематографом. Их взгляды на режиссуру тоже не совпадают. Образно говоря, коса постоянно находит на камень. Учтите это, вдруг пригодится. Не стоит сосредотачивать свое внимание на одном Ханжонкове, Ботаником может оказаться совершенно другой человек. А может, там целое шпионское гнездо, подобное тому, которое было на Чистых прудах в салоне графини Коссаковской. Щупальца из этого салона тянулись по всей империи: управляющий Екатеринодарской казенной палатой, бухгалтер Карского окружного казначейства, адвокат из Ачинска, промышленник из Екатеринбурга, владелец гостиницы из Одессы... Самое обидное то, что благодаря связям графини и отсутствию прямых доказательств всем удалось выйти сухими из воды. Получилось по поговорке: «Видит око, да зуб неймет». Графиня, конечно, притихла, потом укатила на воды поправлять расштатавшееся здоровье, но скоро вернется и снова возьмется за свое. У «Альпийской розы», к слову будет сказано, новый владелец, некий Эфлейн, немец из Риги. Пока ведет себя тихо, но мы на всякий случай стараемся не упускать его из виду. Маловероятно, чтобы Вильгельмина Александровна продала свою гостиницу абы кому. Владе-

лец «Альпийской розы» – это скорее шпионская должность, а не статус. Простите, снова отвлекся. Итак, про Ханжонкова я вам рассказал, про Иванова тоже, следующий на очереди – Василий Максимович Гончаров, режиссер и сценарист. Ханжонков считает его консерватором. Воронежский мещанин, железнодорожный чиновник, составитель справочника транспортных тарифов. Баловался сочинительством пьес и рассказов, но весной 1908 года вдруг оставил службу (он тогда был начальником узловой станции «Малороссийская» на Владикавказской железной дороге), решив сделать сочинительство основным своим занятием, и приехал в Москву, где довольно скоро сошелся с Ханжонковым. Столь резкие жизненные перемены всегда привлекают внимание. Чем они вызваны? Зовом души или новым заданием? Еще одно обстоятельство. В 1903 году от сердечного приступа скоропостижно скончалась жена Гончарова. Он тяжело переживал ее смерть, настолько тяжело, что некоторое время, впрочем довольно непродолжительное, провел в лечебнице. Не стану утверждать, что Гончаров был причастен к смерти жены, но знать про это вам следует. Следующим у нас с вами идет Мушинский, заведующий световыми эффектами. Есть в кинематографии такая должность. Бывший слесарь с Трехгорной мануфактуры, талантливый самоучка, пьяница, убежденный социалист. Ненавидит богатых и во всеуслышание об этом заявляет. К Ханжонкову при этом относится с великим почтением, а Ханжонков ценит его за профессионализм. Для шпи-

она, тем более для глубоко законспирированного, Мусинский слишком ярок, но кто их знает, хитрую немчуру. Возможно, в этом противоречии кроется изощренная хитрость, тонкий расчет. Если хотите надежно спрятать какую-нибудь вещь, то положите ее на самое видное место.

Вера припомнила, что читала рассказ, в котором таким образом прятали важное письмо, и кивнула – да, хороший метод.

– Михаил Дмитриевич Сиверский, помощник, правая рука, глаза и уши Ханжонкова, – продолжал Немысский. – Ничем не примечателен, кроме своей должности...

Вера вспомнила, что в гимназии преподавал русский язык Дмитрий Львович Сиверский. Не приходится ли он отцом Михаилу Дмитриевичу?

– Рымалов Владимир Игнатович, оператор. Окончил Казанское пехотное юнкерское училище, служил в 137-м пехотном Нежинском Ее Императорского Высочества великой княгини Марии Павловны полку, дослужился до штабс-капитана. Вышел в отставку по семейным обстоятельствам в 1904 году, перед японской войной. Пользуется большим авторитетом у Ханжонкова. Возможно, потому, что у обоих схожие судьбы – училище, служба, ранняя отставка. Рымалов живет на жалованье, которое ему платит Ханжонков, но в то же время в тратах не стесняется. Одевается у лучших портных, ужинает в дорогих ресторанах, много тратит на женщин, легко одалживает небольшие суммы знакомым.

Вряд ли Ханжонков платит ему много больше, чем другим операторам...

«Узнать, сколько получает в месяц Рымалов», – отметила в уме Вера.

– Еще один заслуживающий внимания типаж. – Голос Немысского зазвучал как-то по-особенному значительно, и Вера догадалась, что сейчас речь пойдет о самом подозрительном сотруднике киноателье. – Владислав Казимирович Стахевич, режиссер-аниматор. Виленский поляк, родители были бунтовщиками, боровшимися за независимость Польши. Отец убит в перестрелке с жандармами, мать умерла от чахотки, воспитывался у тетки. Атлет-гиревик. Снимает картины в технике объемной анимации. Вы, наверное, видели «Прекрасную Люканиду, или Войну усачей с рогачами»?

– Видела, но особого впечатления эта картина на меня не произвела, – честно призналась Вера. – Люди куда интереснее куколок.

– Многим нравится, – усмехнулся ротмистр. – Ново. Необычно. Ханжонков над Стахевичем трясется, как скупец над сундуком с золотыми монетами. Пылинки с него сдувает, откровенное хамство терпит, разрешает работать по своему усмотрению, со всем, что скажет Стахевич, соглашается... Других сотрудников крепко держит в кулаке, а Стахевичу вдруг такая воля. Стахевич работает на дому, а не в ателье. Точнее, съемочный павильон у него обустроен в соседней квартире. Живет он один, мало с кем общается. Не

любит Россию и все русское, требует, чтобы к нему обращались не «господин Стахевич», а «пан Стахевич». Часто ездит в Германию, якобы для того, чтобы обмениваться опытом с тамошними режиссерами.

– А ведь человек, снимающий картины из жизни насекомых, вполне может иметь прозвище Ботаник! – подумала вслух Вера. – Логическая цепочка – энтомолог, зоолог, ботаник.

– Вполне возможно, – согласился Немысский. – Но прошу иметь в виду, что наш Ботаник может оказаться и женщиной. Правда, из женщин может быть притянута, да-да, именно притянута под подозрение Амалия Нордштрем, гример киноателье. Ей пятьдесят четыре года, старая дева, живет одна. Чем черт не шутит, но...

Ротмистр пожал плечами и развел руками, давая понять, что вряд ли старая дева Амалия может оказаться Ботаником. Вера тем не менее решила, что к гримеру непременно стоит присмотреться. Гримеры профессионально умеют менять внешность. Очень полезный навык для шпионажа. Может, она не Ботаник, а его сообщница?

– В киноателье Ханжонкова есть научный отдел, который снимает картины не развлекательного, а познавательного характера. Руководит им Иван Васильевич Бачманов, потомок старинного дворянского рода, бывший доцент университета, человек известный и уважаемый в научных кругах. Университет ему пришлось оставить после того, как он в компа-

нии сослуживцев сболтнул лишнего, но это случилось всего один раз. Можно счесть весьма досадной случайностью, приведшей к крупным последствиям. В связях с революционерами, как и в чем-то ином порочащем, Бачманов не замечен. Мой интерес к нему основывается только на том, что он настойчиво добивался разрешения на воздушный полет на дирижабле над Карсской областью, близ турецкой границы. Объяснял, что хочет снять образовательную географическую картину. Получив отказ, подавал прошение повторно. География географией, но летать он собирался, в числе прочих мест, и над нашими новейшими укреплениями. Одина два фотографических снимка с высоты птичьего полета... Ну, вы понимаете.

Вера молча кивнула.

– И последняя кандидатура в подозреваемые. Павел Оскарович Дидерихс, актер трагического плана. Красавец, спортсмен. Из ревельских¹⁶ немцев. Член Немецкого клуба, непременный участник всех праздников, устраиваемых немецким землячеством. Ни в чем конкретном пока не замечен.

На слове «пока» ротмистр сделал ударение. Помолчал несколько секунд и огорошил:

– Не стоит, Вера Васильевна, придавать большого значения тому, что я вам сейчас рассказал. Все это домыслы и умозаключения, не имеющие под собой твердой основы.

¹⁶ Ревель – прежнее название столицы Эстонии города Таллина.

Твердо известно лишь одно – в киноателье Ханжонкова есть германский шпион, скрывающийся под агентурным псевдонимом Ботаник. Полагайтесь больше на свои собственные наблюдения, а не на мои слова. И помните, что к каждому человеку нужен свой ключик. Подберете ключик правильно – и человек перед вами откроется весь, до самого дна.

«Тут к себе самой такого ключика не подберешь, – мысленно вздохнула Вера. – Куда уж к другим-то...»

Но показывать своих сомнений не стала. Смотрела на Немысского уверенно, говорила бодро, ехала домой с высоко поднятой головой.

4

«В Москве, в Тюфелевой роще близ линии окружной железной дороги обнаружен труп супруги известного инженера-химика А., исчезнувшей пять дней назад при загадочных обстоятельствах. Полиция ведет расследование».

Ежедневная газета «Русское слово», 10 января 1913 года

Вера представляла Ханжонкова серьезным, начальственным-важным, постно-скучным (все начальники такие), а он оказался совершенно другим.

Во-первых, Ханжонков оказался франтом. Сюртук из дорогого черного крепа с басонными¹⁷ пуговицами, воротник «альберт»¹⁸, пестрый, красный с черным, галстук, заколка с крупным бриллиантом, красный шелковый жилет с тисненым узором, брюки в полоску, ботинки на пуговицах. Вера сравнила Ханжонкова с Владимиром, не признававшим ни штучных жилетов¹⁹, ни обуви на пуговицах, и подумала, что если бы человечество придерживалось консерватизма в

¹⁷ Басонные пуговицы – деревянные пуговицы, обтянутые тесьмой, или же пуговицы из тесьмы, завязанной особым узлом (последние использовались только для женской одежды).

¹⁸ Стоячий крахмальный воротник со слегка отогнутыми уголками. Получил название в честь принца Альберта, супруга британской королевы Виктории.

¹⁹ Штучный – т. е. не совпадающий по цвету с сюртуком.

одежде, то люди и поныне ходили бы, завернувшись в шкуры. Хотя, конечно, адвокату по роду занятий положено быть консервативным как в одежде, так и в привычках, поскольку консерватизм воспринимается обществом как главный признак солидности и надежности. Появись Владимир в суде таким франтом, так все будут фраппированы²⁰. Но ведь можно же в суд ходить в одной одежде, а, скажем, в театры – в другой. Адвокаты же не военные, их никто не обязывает всегда носить форму. Или консерватором нельзя быть понарошку, только для вида? А может, все соблюдаемые условности со временем становятся частью характера? Эту мысль захотелось додумать как-нибудь на досуге, и Вера убрала ее в «копилку», в которой хранилось много подобных «недодуманных» мыслей.

Во-вторых, Ханжонков оказался лихим сердцеедом. Одни молодцевато закрученные кверху усы чего стоили, а ведь к ним еще прилагались жгучий взгляд, полные чувственные губы, раскатисто-бархатный голос. Голос у Ханжонкова был таким, что произносимые им слова казались объемными. Увидев Веру на пороге своего кабинета, Ханжонков проворно выскочил из-за заваленного горами бумаг стола, поцеловал руку, наговорил комплиментов, предложил ликер и конфеты, посетовал на то, что редко удостоивается посещения «столь очаровательных особ» и только потом спросил, чем может служить. Не «чего вам надо, сударыня?», а «чем могу

²⁰ Фраппировать – неприятно изумлять.

служить?». Тоже показательно.

Вера тщательно продумала свой наряд и в итоге остановилась на строгом шерстяном платье бутылочного цвета с кружевным воротником. «Оживила» его милой брошкой – бриллиантовая капелька на золотом листочке, – подобрала подходящую шляпу из зеленого бархата на меховой подкладке. Левый бок шляпы был кокетливо приподнят и украшен изящным бутоном из зеленого же атласа. Серьги с изумрудами и пара колец, одно с бриллиантом, другое с изумрудом, довершили образ, который оказался настолько хорош, что Вера простояла перед зеркалом, любясь собой, дольше обычного. Ничего броского, вычурного, но как элегантно, как мило, и все к лицу! Немножко выбивалась из лада сумочка, потому что вместо зеленой замшевой Вера отдала предпочтение черной, из лаковой кожи. У этой сумочки было одно уникальное достоинство – зеркальце, встроенное в переднюю стенку и прикрытое откидным клапаном. Притворившись, что роешься в сумке, можно было незаметно подглядеть, что творится сзади. Вера отчего-то была уверена, что эта сумка ей непременно понадобится.

В-третьих, Ханжонков оказался не сторонником кинематографа, а каким-то неистовым его фанатиком. Узнав о цели Вериного визита, о мнимой, разумеется, цели, он одним широким движением руки освободил свой стол от всего, что на нем лежало (из трех бумажных гор на полу получилась одна, но очень высокая), разложил большой лист ватмана с проек-

том своего города-студии и не менее получаса объяснял, где что находится, как что можно использовать и какая это замечательная штука – кинематографический город в Крыму, близ Ялты.

– А вот здесь, где зеленый прямоугольник, я построю целлулоидные джунгли! – горячился он, тыкая пальцем в план. – Настоящие джунгли – пальмы, лианы, баобабы и прочая тропическая растительность! Не отличить от настоящих! Проект вчерне уже готов, дело только за усовершенствованием целлулоида! Дело в том, что он горюч, вспыхивает не хуже пороха! Нитроцеллюлоза же, та самая, из которой пироксилин делают...

При упоминании о пироксилине Вера вздрогнула, вспомнив, как при помощи этого страшного вещества в ноябре прошлого года был взорван магазин Гальперина на Пятницкой, находившийся через дом от того дома, где жили они с Владимиром. Взрыв раздался в четверг около полудня, рвануло так, что в доме напротив вылетели все стекла. Вера, бывшая в этот момент дома, страшно испугалась. Почему-то решила – откуда только пришло на ум? – что где-то рядом упала комета. Забилась под стол в гостиной (еще одна дурная мысль – зачем?) и просидела там не меньше четверти часа. Оказалось, что некий социалист, имевший при себе чемоданчик с пироксилином, забежал к Гальперину, пытаясь скрыться от преследовавших его агентов Охранного отделения, и там взорвался. Не то случайно выронил свою ношу, не

то покончил с собой преднамеренно, поняв, что арест неизбежен. Вера склонялась к тому, что взрыв был случаен. Это кем надо быть, чтобы захотеть утащить за собой на тот свет двадцать человек (именно столько было жертв)? Но Владимир сказал, что человеческую жизнь социалисты ни во что не ценят, такая уж это бессердечная публика, и что вполне можно предположить намеренное самоубийство. Примечательно, что зеленая керамическая плитка, которой был облицован пострадавший дом, пережила взрыв без какого-либо ущерба. Ни одна плиточка не треснула, не говоря уже о том, чтобы отвалиться.

– По моему заказу профессор Челинцев работает над тем, как сделать целлулоид негорючим! Должна же существовать какая-нибудь добавка, а если ее нет, то ее нужно изобрести!..

Вере импонировали уверенные в себе мужчины. Если того, что требуется, не существует в природе, оно должно быть изобретено! Иначе и быть не может! Такие люди, как Ханжонков, и есть настоящие двигатели прогресса. Благодаря им мир меняется к лучшему. Хорошо бы еще изменить его настолько, чтобы не было никаких войн.

– А здесь будет аквариум! – Ханжонков ткнул пальцем в голубой квадратик. – Морское дно, сокровища, водяные, русалки... Sur place!²¹

Суставы пальцев были крупноваты, указательный палец, которым Ханжонков тыкал в план, разгибался не до конца.

²¹ На месте (*франц.*). Здесь употреблено в значении «натурная съемка».

«Про болезнь суставов – правда», – отметила в уме Вера.

– На морской романтике построено множество сюжетов! Здесь у меня будет особый причал, оборудованный выносным подъемным механизмом. На верхушку грот-мачты камеру не затащить, да и снимать нельзя – качка мешает, а вот из нависшей над кораблем площадки снимать можно! Представьте себе сцену абордажного боя, снятую с высоты! Это же грандиозно! А панорамы любых баталий, что морских, что сухопутных, можно снимать с дирижаблей! Вот здесь, рядом с морским портом, у меня будет воздушный!..

Вера восхищенно ахала, соглашалась с тем, что действительно грандиозно, иногда, вспомнив о своей легенде, недоверчиво качала головой, хмурилась и поджимала губы – уж не сказки ли все это? – и думала, думала, думала... Додумалась до того, что Ханжонков не Ботаник. Смешно, даже глупо, Немысскому не рассказать, но Вера была уверена в правоте своего вывода. Почему? Да потому что человек, столь увлеченный своим делом (а в увлеченности Ханжонкова у нее никаких сомнений не осталось), не может быть шпионом. Шпионаж – это больше чем профессия, это образ жизни, постоянный подвиг. Да, именно подвиг. Постоянно притворяться, взвешивать каждое слово, просчитывать каждый шаг, лгать, изворачиваться, заставлять людей делать не то, что им хочется, а то, что тебе надо... Шпионаж – это вечный риск, вечное напряжение. Шпионажу надо отдаваться всецело, без остатка. Человек не может разорваться надвое.

Невозможно одновременно быть и шпионом, и фанатиком кино. Возможно, ротмистр Немысский счел бы Верины рассуждения наивными и даже глупыми, но сама она была уверена в своей правоте. И еще одно соображение посетило Веру, пока Ханжонков делился своими планами. Кинематографический город в Крыму должен был быть весьма перспективным с точки зрения любой разведки, хоть германской, хоть австрийской, хоть турецкой. Крым – это же южный форпост империи, там флот, там любит отдыхать императорская семья. Сколько возможностей для шпионажа: хочешь – за военными кораблями наблюдай, хочешь – занимайся вербовкой высокопоставленных чиновников, сопровождающих государя или приезжающих к нему с докладом. Можно вербовать не самих чиновников, а кого-то из их окружения. Это уже детали, главное в том, что будь Ханжонков Ботаником, то он давно бы уже выстроил свой город в Крыму. В германском Генеральном штабе или в Министерстве иностранных дел непременно нашлись бы деньги для столь перспективного дела. Странно, что Немысский об этом не подумал. Впрочем, Ханжонков может и притворяться. Притворяться столь искусно? Нет, это невозможно. Хотя недаром же принято считать, что совершенству нет предела... Нет, он не притворяется. Что-то в глубине души подсказывало Вере, что Ханжонков говорит искренне, без малейшего притворства. Но «что-то» – это еще не доказательство, поэтому Вера решила не сбрасывать Ханжонкова со счетов совсем, а только лишь

передвинула в самый конец списка подозреваемых.

Желание ознакомиться с работой киноателье было встречено с полным пониманием. Более того – с одобрением.

– Я могу только приветствовать подобный подход, Вера Васильевна, – сказал Ханжонков. – Он не только свидетельствует о серьезности ваших намерений, но и делает вам честь. Редко можно наблюдать столь похвальные деловые качества у...

Поняв, что комплиментарность завела его не туда, Ханжонков оборвал себя на полуслове, звонко хлопнул в ладоши и не сказал, а провозгласил с торжественностью средневекового герольда:

– Приглашаю вас на осмотр моих владений!

Осмотру то и дело старались помешать разные люди. Попадались навстречу, выскакивали откуда-то сбоку, догоняли, один даже спрыгнул сверху, с какого-то парапета.

– Александр Алексеевич, у меня срочное дело...

– Александр Алексеевич, Федорович снова прислал не то, что надо...

– Александр Алексеевич, Коломбина опаздывает...

– Александр Алексеевич, сколько это может продолжаться?..

– Александр Алексеевич, уймите Анчарову, иначе я за себя не ручаюсь!..

Ханжонков решал проблемы на ходу, не останавливаясь. Кому-то бросал отрывистое «после», кому-то говорил «са-

ми, сами» или «нет», а того, кто жаловался на Анчарову («Неужели на ту самую?» – с замиранием сердца подумала Вера), ободряюще хлопнул по плечу – мужайтесь, сударь. Быстрота перемещения вкупе с быстротой речи Ханжонкова не позволяла ничего и никого толком запомнить. Вера поняла одно – киноателъе на самом деле гораздо больше, чем казалось снаружи, хотя и снаружи размеры его впечатляли. Больше всего, конечно, поразил второй этаж, называемый «большим павильоном», – высокий, «двойной», со стеклянными стенами, отчего он казался парящим в воздухе.

– Без малого четыреста квадратных саженей, – гордо сказал Ханжонков, обводя рукой павильон. – Тепло, светло, снимать можно круглый год, в любую погоду, в любое время. Зачем нам солнце, если есть ртутные лампы.

Говорил он не так громко, как внизу, потому что в павильоне шли съемки. Сразу в трех местах. Вере очень хотелось взглянуть на то, что происходило за фанерными загородками, но Ханжонков туда ее не повел. Сначала подвел к стеклянной стене и долго, с непонятными Вере подробностями объяснял, какое это замечательное стекло, как будто Вера собиралась вложить свои мифические капиталы не в производство картин, а в изготовление стекол. Затем все же завел в один из огороженных закутков, но в пустой, без декораций, и так же подробно объяснял про светильники, называемые «юпитерами» – огромные, с ручками, взявшись за которые можно их поворачивать.

– Обратите внимание, Вера Васильевна, что юпитер установлен на колесной платформе, отчего, несмотря на значительный вес, его очень легко передвигать одной рукой.

Желая показать, насколько легко передвигается светильник, Ханжонков толкнул его вперед, но не рассчитал силу. Светильник врезался в одну из перегородок, опрокинул ее, но сам устоял. Шум был большим, но находившиеся в павильоне люди на него никак не отреагировали, продолжая заниматься своим делом. Ханжонков смущенно улыбнулся – бывает, мол, поднял перегородку и повел Веру в пристройку, которая называлась «малым павильоном». Пристройка соединялась с основным зданием узким коридорчиком, где, в отличие от других помещений, было довольно прохладно. Вера зябко поежилась.

В малом павильоне, который и впрямь был мал, раз в десять меньше большого, да к тому же вдвое ниже, ожесточенно спорили два человека.

– Вы, Иван Васильевич, настоящий узурпатор! – горячился худой, с глазами навывате, мужчина в двубортном черном шевиотовом²² пиджаке и брюках в черную и белую полоску. – Разве я вам Иов многострадальный, чтобы терпеть ваши безобразия?!

Лицо у пучеглазого «Иова» было голым²³. Под левой рукой он держал потертый коричневый портфель. Каким-то

²² Шевиот – сорт ткани, изготавливаемой из шерстяной или смешанной пряжи.

²³ Т.е. без бороды и усов.

непостижимым образом «Иов» ухитрялся размахивать обеими руками, не роняя портфеля. Говорил он сердито, даже агрессивно, но его собеседник – круглолицый полный мужчина с аккуратной профессорской бородкой, одетый в черную шерстяную тройку – улыбался, не выказывая никаких признаков волнения или смущения.

Увидев Ханжонкова с Верой, «Иов» всплеснул руками, отчего портфель упал на пол, и возопил трагическим голосом:

– Увольте меня, Александр Алексеевич! Казните меня! Похороните в земле сырой! Но только избавьте от мук! Разве я вам Иов многострадальный, чтобы терпеть бесконечные унижения?!

– Бачманов, Иван Васильевич, – представился Вере круглолицый, едва только «Иов» умолк. – Директор научного отдела киноателье.

Бачманов слегка, и довольно мило, картавил. Голубые глаза смотрели на Веру приветливо, с небольшим любопытством, но в его взгляде не было того похотливого оттенка, который принято называть «мужским интересом».

– А это мой помощник Михаил Дмитриевич Сиверский, – представил пучеглазого Ханжонков. – Господа, представляю вам Веру Васильевну. Вера Васильевна желает ознакомиться с работой нашего ателье, узнать, как производятся картины...

– Чтобы потом открыть свое ателье, – с мягкой улыбкой

окончил Бачманов, глядя на Ханжонкова, а затем перевел взгляд на Веру и вежливо сказал: – Приятно познакомиться, Вера Васильевна. Через полчаса я начну здесь съемку картины, рассказывающей об опытах с электричеством...

– Съемку вы начнете только после того, как закончит Валентин Николаевич! – влез, размахивая руками, Сиверский. – По графику до двух часов он снимает здесь домашние сцены с Рутковским! У меня все записано!

– Вы, кажется, портфель уронили, – сказал ему Бачманов.

– Ах да! – спохватился Сиверский, поднимая портфель и раскрывая его. – Сейчас я покажу график...

Мало того что Сиверский пучил глаза и вульгарно размахивал руками, он еще и брызгал слюной при разговоре. «Неприятный человек», – классифицировала его Вера.

– Лучше покажите мне группу Корниеловского! – сказал Ханжонков, демонстративно оглядываясь по сторонам. – Или я ослеп, или я никого не вижу. Где все?

Вера, пользуясь случаем, тоже оглядела павильон. Здесь перегородками был огорожен только один угол. Стены не стеклянные, а кирпичные, правда, окна большие, с двух сторон. В полутора-двух аршинах от одной из стен выстроились в ряд несколько столов, заставленных какими-то приборами, ретортами, колбами, штативами с пробирками, банками, горелками и прочими научными принадлежностями. На дальней стене висит большая грифельная доска, на которой каллиграфическим почерком выведены какие-то формулы.

Вспомнилась гимназия...

– Все собрались, полчаса прождали Валентина Николаевича и разошлись, – сказал Бачманов. – Я решил воспользоваться случаем и отдал распоряжение готовиться к съемкам, но вдруг явился Михаил Дмитриевич и всех прогнал. Он и меня прогонял, только я не ушел.

– Правильно прогонял! – запальчиво воскликнул «Иов», потрясая извлеченной из портфеля бумажкой. – Время же не ваше, Иван Васильевич! Незачем своевольничать! Сейчас по графику должен снимать Ниловский!

– У меня, вероятно, тоже что-то случилось со зрением, – ехидно сказал Бачманов, вертя головой по сторонам. – Что-то я не вижу здесь Валентина Николаевича. И не слышу его бодрого голоса. Зачем помещению простаивать без дела?

– А если он сейчас придет?! – Сиверский вздернул острый подбородок и выпучил глаза еще больше.

– Валентин Николаевич?! – удивился Бачманов. – Нет, если уж он исчезает, то на неделю. У него свой график, не требующий визирования у Александра Алексеевича.

Про Веру все, казалось, забыли, но ее это нисколько не обидело.

– Был же он с утра. Я сам его видел, – сказал Ханжонков, растерянно переводя взгляд с Сиверского на Бачманова и обратно. – Михаил Дмитриевич, поищите его, вдруг он где-то здесь.

– Валентин Николаевич где-то там, – Бачманов махнул ру-

кой в сторону окна. – И, смею предположить, уже успел дойти до полной, как он сам выражается, «плепорции». Ни для кого не секрет, что напивается он с места в карьер, не разгоняясь. Так я могу повторно отдать распоряжение относительно подготовки к съемкам?

Смотрел он при этом на Ханжонкова, а не на его помощника и на слове «повторно» сделал ударение.

– Можете! – ответил Ханжонков и обернулся к Вере. – Прошу прощения, Вера Васильевна. В любом деле случаются казусы, и наше не исключение. Прошу вас, вы еще не видели нашу декоративную мастерскую. Она здесь, рядом.

– И научного отдела вы, кажется, тоже не видели, – с улыбкой сказал Бачманов. – А он, смею надеяться, заслуживает внимания.

– Все имущество научного отдела собрано здесь. – Ханжонков указал рукой на столы. – В самом отделе, состоящем из кабинета Ивана Васильевича и комнаты, в которой сидят сценаристы, смотреть нечего. Там скучнее, чем в бухгалтерии.

– Наука вообще проигрывает в сравнении с искусством, – съязвил Бачманов. – Скучные люди делают скучные опыты, пишут скучные формулы, доказывают скучные теоремы. Можно ли ставить на одну доску законы Ньютона и «Пиковую даму»? Что наша жизнь – игр-а-а-а...

Последнюю фразу он пропел, нарочито фальшивя.

– Боже мой! – всполошился притихший было Сивер-

ский. – Я же шел к Амалии Густавовне! У Джанковской сно-
ва претензия к гриму! Ох, разве я Иов многострадальный,
чтобы всю жизнь разбирать их дразги?! Сколько можно?!

Убрав график в портфель, он не ушел, а ускакал прочь
на своих длинных нескладных ногах. Ханжонков страдаль-
чески вздохнул ему вслед. По этому вздоху без труда мож-
но было догадаться о том, что Джанковская часто высказы-
вала претензии. Актрису Елену Джанковскую Вера знала по
картинам, так же, как и Александру Анчарову. Обе по праву
считались «l'élite», звездами. Джанковская была блондин-
кой, Лорелеей, томной нимфой, а Анчарова – энергичной
брюнеткой, роковой женщиной, дамой пик. На взгляд Веры,
обе играли хорошо, только порой позволяли себе чрезмерно
манерничать. Впрочем, на экране, без слов, это выглядело не
столь отталкивающе, как на сцене.

– Кстати, я изучаю производство картин не для того, что-
бы потом открыть свое ателье, а с иной целью, – сказала Ве-
ра, глядя в глаза Бачманову.

– Вера Васильевна имеет намерение стать пайщицей на-
шего торгового дома, – уточнил Ханжонков.

То, что он сказал «нашего», а не «моего», понравилось
Вере. Не кичлив, что хорошо, и не противопоставляет себя
сотрудникам, что весьма правильно.

– Были бы у меня свободные средства, я бы вложил их
в наше дело не раздумывая, – сказал Бачманов. – Нет ниче-
го перспективнее в смысле прибыли, чем кино. Вложите ко-

пейку...

– Получите две! – перебил его Ханжонков и, как показалось Вере, перебил поспешно, словно опасался, что Бачманов скажет что-то лишнее. – Пойдемте, Вера Васильевна, не будем мешать Ивану Васильевичу. Вам непременно надо увидеть декоративные мастерские! Хотя бы для того, чтобы в полной мере ощутить грандиозность нашего дела!

Увы, в декоративные мастерские в тот день Вере попасть не удалось. Не успели они с Александром Алексеевичем выйти из павильона, как вбежал Сиверский. Глаза его были выпучены настолько, что, казалось, вот-вот выпрыгнут из глазниц, блеклые, цвета соломы, волосы стояли дыбом, лицо побледнело, подбородок дрожал. Портфеля при нем не было. Дышал Сиверский тяжело, запыхался.

– Там Корниеловского нашли, – просипел он, заламывая руки. – В ретираднике...²⁴

За спиной у Веры многозначительно хмыкнул Бачманов.

– Гнать! – жестко распорядился Ханжонков. – В шею! К чертям! Расчет в зубы и пусть идет на все четыре стороны! «Квартиру» доснимет Чардынин. Скажите ему об этом, Михаил Дмитриевич. А Корниеловскому скажите, что я его больше видеть не желаю! И клятвам его больше верить не собираюсь! Так и передайте!

– Некому передавать, Александр Алексеевич. – Пока Ханжонков говорил, Сиверский успел отдышаться и теперь уже

²⁴ Ретирадник, ретирадное место – туалет (*устар.*).

не сипел, а говорил обычным своим голосом. – Убили Валентина Николаевича.

Сиверский трижды истово перекрестился.

– Как убили?! – воскликнул Ханжонков. – Кто?! Змий зеленый?!

– Может, и змий, – ответил Сиверский. – Удавили его. Лицо синее, язык наружу, по виду натуральный удушенник. Амалия Густавовна, сколько ни старайся, лучше не изобразит.

5

«В Петербурге, в Матятином переулке, рухнувшей стеной пустовавшего дома, принадлежащего вдове действительного статского советника Амантова, был поврежден соседний дом. Убито 5 человек, 8 получили ранения различного характера».

Ежедневная газета «Утро России», 12 января 1913 года

Фраза Сиверского «Амалия Густавовна, сколько ни старайся, лучше не изобразит» звучала у Веры в ушах весь день, оказавшийся очень долгим.

Сказав Ханжонкову, что она сама найдет выход и провожать ее нет необходимости, Вера на самом деле направилась не к выходу, а пошла за Ханжонковым, Сиверским и Бачмановым, держась в некотором отдалении от них, что было совсем не трудно, поскольку шли они очень быстро. Но к ретирадному за ними пройти не удалось, потому что кто-то предусмотрительно выставил в коридоре нижнего полуподвального этажа угрюмого малого в синей холщовой рубашке и черных штанах, заправленных в начищенные до блеска сапоги. Малый стоял, растопырив руки, и явно гордился порученной ему миссией, потому что смотрел на всех, кто просил пропустить, свысока и только повторял: «Не велено... Не ве-

лено никого пускать до полиции». Народ в киноателье подобрался дисциплинированный. Никто не пытался оттолкнуть стража или поднырнуть ему под руку. Ханжонкова и Сиверского малый пропустил, а Бачманову, попытавшемуся было пройти следом, не раздумывая преградил путь. Тот, впрочем, не стал настаивать, развернулся и пошел обратно. Вера поспешила спрятаться за чью-то спину, чтобы Бачманов ее не увидел.

Из нижнего этажа она поднялась на второй этаж, в съёмочный павильон. Расчет ее был прост и основывался на том, что в большом открытом пространстве (фанерные перегородки не в счет) она сможет услышать что-то интересное и полезное. В лабораторию или в чей-то кабинет просто так, без приглашения, не сунешься, а вот пройтись по павильону, якобы в поисках потерянной сережки, можно. Правдоподобия ради Вера вытащила сережку из левого уха и спрятала ее в сумочку. Войдя в большой павильон, она увидела, что сотрудники, разбившись на несколько групп, оживленно обсуждают случившееся.

Не то появление в ателье вместе с Ханжонковым сделало Веру «своей», несмотря на то что познакомил ее Александр Алексеевич только с Бачмановым и Сиверским, не то трагедия возбудила людей настолько, что им было все равно, кому выговариваться, лишь бы только выговориться, но уже в ближайшей группе нашелся мужчина средних лет и приятной наружности, который принялся обстоятельно рассказы-

вать Вере про Корниеловского. Вере даже спрашивать ничего не пришлось. Встретившись с ней взглядами, мужчина заговорщицки округлил глаза и спросил:

– Слышали уже?! Про Валентина Николаевича-то?!

Вопрос был немного странным – кто, скажите на милость, не слышал? Все только об этом и говорят. Но Вера, вежливо улыбнувшись, ответила:

– Слышала, но ничего не поняла.

Сделала паузу, взмахнула ресницами, стараясь, чтобы вышло пленительно, и призналась с несколько виноватым видом, будто признавалась в чем-то постыдном:

– Я первый день в ателье, мало с кем знакома.

– Ваше счастье! – воскликнул собеседник. – Вам несказанно повезло! Благодарите судьбу! Благодарите!

Вера не сильно удивилась. Чего-то такого, странного, она и ожидала. Киноателье, это же, в сущности, тот же театр, то же капище Мельпомены (не при тете Лене будь сказано – убьет!), а в этих капищах каких только чудаков не встретишь. Вера на всю жизнь запомнила, как лет пять тому назад в гримерных Малого театра, когда она пришла туда к тете Лене по делу, на нее набросился актер Айдаров-Вишневский. Выскочил из-за угла, замахнулся огромным бутафорским кинжалом (поди разбери с первого взгляда, да еще и в полумраке, что он деревянный, ненастоящий) и зарычал страшным голосом: «Умр-р-ри невер-р-рная!» Вера со страху упала в обморок. После того как тетя Лена привела ее в

чувство при помощи нюхательных солей, Айдаров приходил просить прощения. Объяснял, что репетировал и немного увлекся. Ничего себе «немного», так и зайкой припадочной недолго сделаться, но Вера Айдарова простила, а назавтра в гимназии рассказала по секрету подругам, как «один мужчина» хотел убить ее кинжалом из ревности. О подробностях, начиная с того, что дело было за театральными кулисами, и заканчивая тем, что кинжал был бутафорский, умолчала. Подробности не нужны, они только портят впечатление. Но когда Полинька Рогозинникова потребовала забожиться на образ, Вера сделала это без колебаний. Истинную же правду сказала, все так и было. Подруги обзавидовались и зауважали Веру пуще прежнего. Их любовные драмы не шли дальше манкирования свиданием, а тут такие поистине роковые страсти – ревность, кинжал...

– Благодарите судьбу за то, что она свела меня с вами! Позвольте представиться, Петр Петрович Аркадин-Чарский, актер больших и малых погорелых театров! Когда тройка, когда семерка, а когда и туз – это уж как ампула ляжет.

Собеседник по-военному щелкнул каблуками, а затем изобразил полупоклон. На Веру пахло спиртным духом.

– Аркадин-Чарский?! – недоверчиво переспросила Вера. Она не раз видела Аркадина-Чарского на экране, но стоявший перед ней невысокий курносый блондин с простым, ничем не примечательным лицом нисколько не походил ни на рокового соблазнителя, ни на демонического тирана, ни

на сурового полководца. Иначе говоря, совершенно не вписывался в амплу Аркадина-Чарского.

– Ах, я привык! – Актер вздохнул и махнул рукой. – Привык, что меня не узнают. Я ведь в жизни только Аркадин. Чарского делают гримеры. У меня очень удобное лицо, на котором гример может нарисовать все, что угодно. Амалия Густавовна утверждает, что при желании может загримировать меня Офелией или Татьяной. Представляете, какой фурор произвели бы афиши, на которых было бы написано, что в роли Татьяны Лариной снялся Петр Аркадин-Чарский?!

Запрокинув голову, он рассмеялся резким, квакающим смехом, но смеялся недолго – несколько секунд. Затем улыбнулся Вере и выжидающе посмотрел на нее. Вера вспомнила, что она не представилась, и поспешила исправить эту оплошность.

– Видел вас с Александром Алексеевичем, – сказал Аркадин-Чарский. – Вы, должно быть, его новая ассистентка?

– Нет, – улыбнулась Вера. – Я не новая ассистентка, а вероятная... м-м...

– Компаньонка? – предположил Петр Петрович и, не дождавшись, пока Вера утвердительно кивнет, начал убеждать ее в том, что производство картин доходнее любых золотых рудников.

Вера слушала, улыбалась, кивала, а сама все думала о том, как бы половчее перевести разговор с производства картин на убийство режиссера Корниеловского. Так и не придумала

ничего путного, но Аркадин-Чарский перескочил на убийство сам.

– Но не все у нас гладко да сладко, – сказал он, выпятив нижнюю губу. – Случаются и неприятности. Вот, например, как сегодня.

– Так это же не просто неприятность, а целая трагедия! – подхватила Вера. – Я просто шокирована!

– Для кого-то трагедия, а для кого-то неприятность, – туманно высказался Аркадин-Чарский. – Для меня скорее трагедия, чем неприятность. Дело в том, что Корниеловский снимал картину «Дядюшкина квартира». Коко – Мозжаров, Лилетта – Анчарова, старая дева Зефирова – Джанковская. Представляете Джанковскую в роли старой девы? Это все стараниями Амалии Густавовны. Вы, наверное, не знаете, что Амалия Густавовна ненавидит Джанковскую и оттого особенно старательно «рисует» ее старухой? Поэта Фиолетова играет Рутковский, это его роль, он и в жизни такой же самовлюбленный болван, помещика Тридуганова играет ваш покорный слуга, а его дочь – одна из лисичек, не помню кто, они так схожи... кажется Белка.

– Так лисичка или белка? – спросила Вера, чувствуя, что теряет нить разговора.

Мало того что актер говорил быстро, проглатывая окончания слов, он еще и туману напускал с белками да лисичками.

– Не знаю, может и Инеска! – собеседник раздраженно передернул плечами. – Какая разница! Они же похожи друг на

дружку как две капли воды! А сценарий написал Чардынин, ему же, скорее всего, и придется продолжить съемку. Сюжет тот еще, ничего оригинального, но перспективный, живой. Племянник, желая подзаработать денег, сдает дядюшкину квартиру, и от этого закручиваются разные катавасии. Ну и любовь, конечно, у нас без любви нельзя, Александр Алексеевич не поймет. Сам он от любви далек, его только деньги интересуют, но в картинах непременно требует, чтобы была любовь! Пламенные взоры, роковые страсти... Я про себя называю это «извергающиеся амуры». Кинематограф нем и оттого должен, просто обязан быть выразительным. Если взгляд, то непременно пламенный и так далее. Все у нас чрезмерно, и от этой чрезмерности порой происходят... э-э... разные нежелательные обстоятельства. Вот так-то! Это – кино! Искусство двадцатого века! К середине века театров, наверное, и не останется – отомрут за ненужностью. Но беда в том, что у Чардынина есть правило, если хотите – причуда. Ему непременно надо сняться в каждой из своих картин, пусть даже и в самой маленькой роли. Кого он сыграть не может, Фиолетова тоже, а вот Тридуганова – запросто. Чувствую, что лишусь я этой роли. Обидно. Во-первых, столько трудов насмарку – готовился, репетировал, в одной сцене успел сняться, а во-вторых, у нас не императорский театр, а киноателье. Александр Алексеевич платит не по дням, а по картинам, да еще и не забывает жаловаться на растущую дороговизну кинопроизводства. Так и с голоду

помереть недолго!

Голодная смерть Аркадину-Чарскому не грозила. Был он упитан, полнокровен, одет в добротную шерстяную тройку, серую, в елочку, жилет пересекала массивная золотая цепочка, на которой болталось несколько брелоков, булавка для галстука и запонки тоже были золотыми, хоть и без камней. Но Вера сочувственно кивнула, побуждая собеседника говорить дальше, и попыталась мысленно разложить по полочкам все услышанное с целью нащупать что-то полезное. Итак, Чардынин написал сценарий, а картину снимал Корниеловский. Не могло ли стать мотивом желание самому снять картину по собственному сценарию и сыграть в ней роль? Не очень-то в это верится. А почему бы и нет? Разве мало рассказывала тетя Лена о нравах, царящих в театральной среде? Разве не пыталась актриса Звягинцева отравить мышьяком соперницу, уведшую у нее из-под носа роль Ларисы в «Бесприданнице»? И это далеко не единственный такой случай. Мотив одинаков – творческая ревность, разница только в средствах. Кто-то предпочитает мышьяк, кто-то – толченное стекло, кто-то – донос, а кто-то и веревку. Душить человека, да еще и в отхожем месте, это очень неэстетично! Для того чтобы выбрать такой способ убийства, надо иметь своеобразный склад ума. И сильные руки. Интересно, а насколько силен Ханжонков? Выглядит он крепким и энергичным мужчиной, но у него же больные суставы. Может ли человек, страдающий полиартритом, крепко затянуть веревку на шею

жертвы и некоторое время удерживать ее?

– Если вам интересно, то я могу поделиться кое-какими соображениями. – Лицо Аркадина-Чарского приобрело заговорщицкое выражение, а голос понизился до шепота. – Мне кажется, что я знаю...

Окончания фразы Вера не разобрала, потому что шум вокруг стоял изрядный, но можно было без труда догадаться, что хотел сказать собеседник.

– Чардынин? – так же шепотом предположила Вера, подойдя к собеседнику ближе, чем предписывали приличия. – Ради того, чтобы получить вашу роль?

– Ну что вы! – Аркадин-Чарский изобразил крайнее изумление – округлил глаза, дернул головой, всплеснул руками, едва не задев при этом Веру. – Убивать ради того, чтобы сыграть ничем не примечательную рольку из разряда «кушать подано»? Нет, эта плохонькая овчинка не стоит кровавой выделки! Но убийцу вы угадали, хоть и ошиблись в мотивах. Давайте отойдем в сторонку...

Вера думала, что Петр Петрович заведет ее в какой-то закуток, за одну из перегородок, но тот вышел прямо на середину павильона, на место, удаленное от всех групп в зале по меньшей мере шагов на десять-двенадцать. «Не дурак», – оценила собеседника Вера. За перегородкой или ширмой говорить о тайном не так удобно, как на открытом месте – могут незаметно подслушать. А тут никто не сможет приблизиться незаметным и издалека не подслушает – шумно.

– Я думаю, что это Чардынин! – по актерской привычке Аркадин-Чарский, сказав самое главное, выдержал паузу, как будто ждал аплодисментов. – У него был роман с Любашей Варягиной, той самой, что играла Настасью Филипповну в «Идиоте»...

– Нину в «Маскараде» и Татьяну в «Онегине»! – подхватила Вера.

– О, да вы из знатоков! – восхитился актер. – Тем лучше, не надо объяснять, какая Варягина красавица. Как по-вашему, за такую можно убить?

– По-моему, убивать вообще нельзя, – ответила Вера. – Вы хотите сказать, что Корниеловский увел Варягину у Чардынина?

– Истинно так! – кивнул Аркадин-Чарский. – Причем... хм... весьма недостойным образом. Чардынин боготворил Любашу, исполнял любой ее каприз, ни в чем не перечил, ходил за ней по пятам. Не вдаваясь в подробности, скажу, что он был ее тенью. Робкой, трепетной тенью. Любаше это скоро наскучило. Любаша с характером, а женщины с характером не любят чересчур покладистых мужчин. Им укротителя подавай, а не послушного пуделька. Но взять и оттолкнуть человека, который тебя искренне любит, пылинки с тебя сдувает и подарками осыпает, не так-то просто. Не подумайте, это я не в смысле того, что Любаша меркантильна, меркантильности у нее столько же, сколько и у всех, а в смысле того, что для разрыва нужен повод. И этот повод

подал Корниеловский. Возможно, вам моя теория покажется смешной, но я считаю, что признанные красавицы, перед которыми все преклоняются, к которым приблизиться боятся, не видя для себя никаких перспектив, так вот, такие красавицы нередко становятся легкой добычей для самоуверенных бесцеремонных наглецов. Манит необычность, новизна ощущений, удивление вызывает интерес. Почему этот господин ведет себя не так, как другие? Что за этим кроется? Я называю эту свою теорию «теорией контрастов»...

Вера не смогла сдержать улыбки – так смешон был собеседник в своей поистине «академической» важности.

– Это всего лишь мои домыслы. – С Аркадина-Чарского мгновенно слетел весь апломб. – Но у Любаши с Корниеловским все именно так и было. Он ворвался в ее жизнь таким стремительным вихрем, удивил, подчинил, а через месяц бросил. Разрыв Любаши и Чардынина совпал с окончанием съемок картины «На бойком месте», где она играла Евгению. Закончили картину, а попутно и роман закончили. Знаете, если о покойниках положено говорить только хорошее, то о Корниеловском не получится сказать ни слова. Вы меня понимаете?

Вера кивнула.

– Подлый тип, для которого не было ничего святого, – продолжал Аркадин-Чарский. – Любаша думала, что у него к ней чувство, а на самом деле... кхм... на самом деле... э-э...

– На самом деле никакого чувства не было, – пришла на

выручку Вера.

– Вот именно – не было! И быть не могло, потому что у таких, как Корниеловский, чувств не бывает. Никаких, в том числе и сострадания. Он не просто бросил Любашу. Он надсмехался над ней, слухи порочащие распространял. Не возьмусь повторить, что он о ней рассказывал, скажу только, что слыша это, краснел даже Заржицкий.

«Заржицкий, – добросовестно запомнила Вера. – Человек, которого трудно вогнать в краску».

– Любаша не выдержала и ушла от нас. Хотела вернуться к Коршу²⁵, но он ее не взял. Все знают, сколь злопамятен Федор Адамович. Он не прощает ни измен, ни своевольтва, а Любаша, когда уходила от него, имела дерзость повесить голос и топнуть ножкой. В итоге Любаше нигде в Москве не нашлось места и она уехала в Саратов. Или в Самару? Не помню точно, но помню, что куда-то на Волгу. Уже больше года, как о ней ничего не слышать.

²⁵ Русский драматический театр Корша – московский театр, существовавший в 1882–1917 гг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.